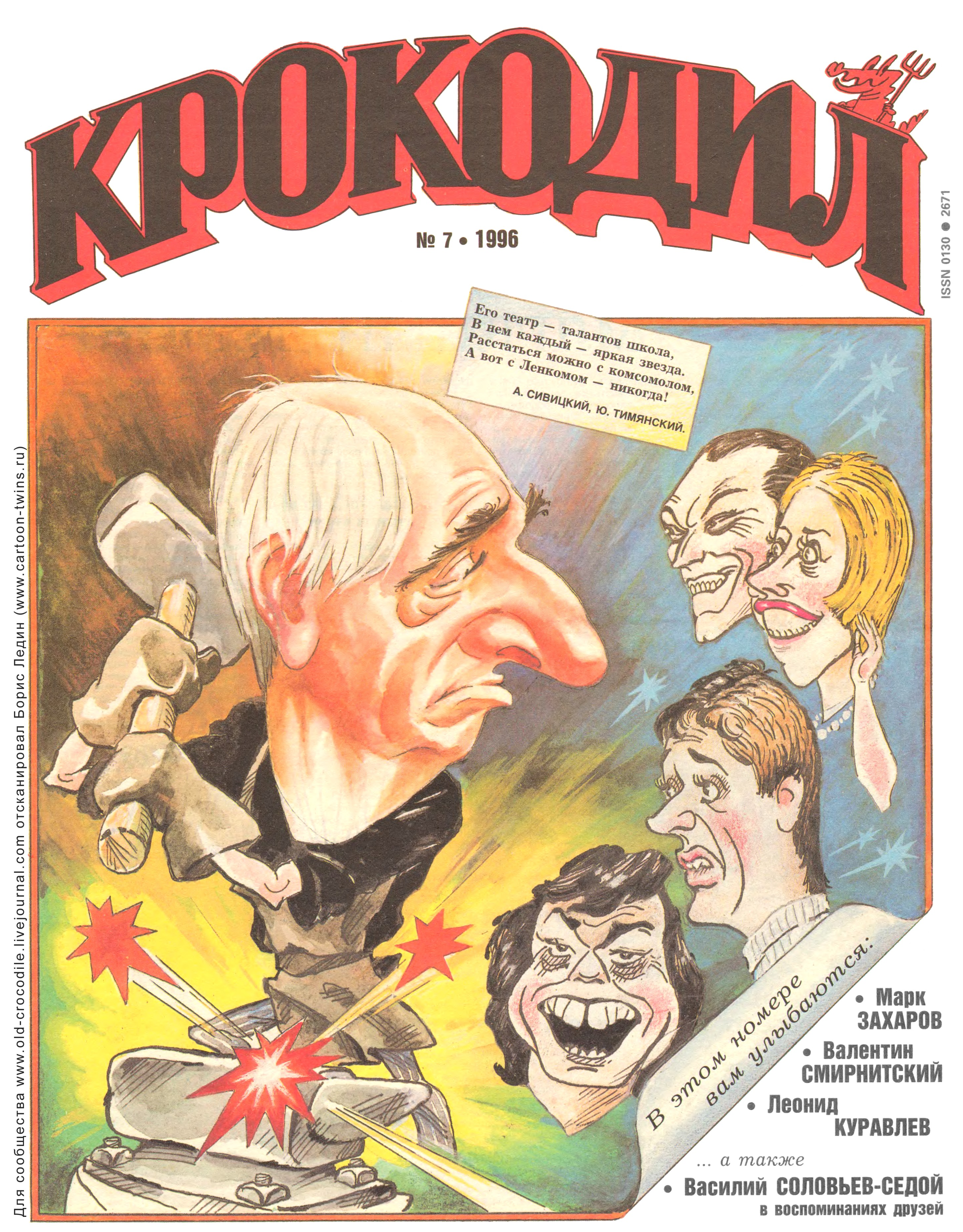
КРОКОДИЛ

№ 7 • 1996

ISSN 0130 ● 2671



• Марк ЗАХАРОВ

• Валентин СМИРНИТСКИЙ

• Леонид КУРАВЛЕВ

... а также

• Василий СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ в воспоминаниях друзей

И. ЛОСОСИНОВ.

Марк ЗАХАРОВ

Я РЕЖИССЕР-ДИКТАТОР, НО С МЯГКИМИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ЗАМАШКАМИ

Биография в курьезах

Это мое второе пришествие в «Крокодил»

Первое было в 60-х годах, когда я, помимо актерства, встал еще и на литературную стезю. Я ведь к юмору и сатире кое-какое отношение имел и имею. И друзья у меня веселые, в этом жанре работают, и сам я внутренне человек веселый. Почему «внутренне»? Если уж совсем откровенно, то внешне я могу производить иногда впечатление человека мрачноватого. За мной в театре одно время даже ходило прозвище «Мрак Анатольевич». Прозвище я оценил, но оно не привилось.

Баловался я и карикатурами. В детстве, помню, на школьной доске мелом рисовал карикатуры на учителей и учеников. Сначала смеялись, потом, как это у сатириков, даже доморощенных, и бывает, мне влетало. Однако и во взрослой жизни я к карикатурам возвращался — их публиковали журналы «Огонек», «Советский цирк» и другие.

Так вот о «Крокодиле». Тогда он очень уж сильно занимался разоблачением американских поджигателей войны, кока-колы и Уолл-стрита, вызывая к ним недобрые чувства. Вслед за ним я тоже прямо-таки возненавидел Уолл-стрит. Однако позднее в Америке, попав на обруганную стрит, увидел: улица как улица. За что я ее ненавидел? Что касается этих самых поджигателей войны, так это тоже сложный и запутанный вопрос: кто и кому ею угрожал?

Тогда, в 60-е, я встал на литературную стезю вовсе не потому, что следовал великому Толстому и «не мог не писать, а поэтому писал». Все проще: мы в семье ждали ребенка, моя актерская зарплата в Театре имени Гоголя была смешной, и я написал, как оказалось, смешной же полуэстрадный монолог, который послал в «Крокодил» с целью пополнения семейной кассы. Рассказ опубликовали. Мало того, меня вызвал Ю. С. Мартынов, занимавшийся рассказами, и посоветовал продолжать. Раз предложили, я человек дисциплинированный, стал писать. Я писал — журнал публиковал, потек тоненький ручеек денег. Но что меня еще приятно удивило: некоторые рассказы были переведены и напечатаны в зарубежной социалистической прессе: в Югославии, Болгарии, Чехословакии. Мне еще предложили: «А не хотите ли вы издать сборничек рассказов в библиотечке «Крокодила»? Я, как уже замечено, человек дисциплинированный: раз так сказано — захотел. Издали. Назывался «Старается парень». Название, конечно, не обо мне, хотя оказалось многозначительным. Я действительно старался, и вскоре вышел еще один сборничек, затем еще...

Пригласили на радио, и я стал читать дурным голосом свои рассказы и довольно часто в передаче «С добрым утром»... А потом как-то устыдился и перестал читать. Да и вообще пересмотрел необходимость своего участия в развитии отечественной литературы, т. к. понял, что в стране есть другие сатирические мозги, с которыми я не могу тягаться. Появились Григорий Горин, Аркадий Арканов. Вскоре засверкал Михаил Жванецкий. Я понял, что талантом, как у этих писателей, не обладаю, сошел с литературной стези и даже был готов сжечь, как Н. В. Гоголь, свои рассказы и не считать их вкладом в российскую литературу. Почему я о них вспоминаю? Потому что лично для меня они все-таки дороги, т. к. дали бесценный опыт: я научился писать киносценарии и инсценировки, что мне очень пригодилось в профессии, к которой я медленно, но неуклонно шел,— профессии режиссера.

Рука провидения вела меня кружным путем

Если ретроспективно просмотреть сейчас свою жизнь, то самые занятные, а порой и драматические повороты, оказывается, были как бы предопределены. Они вели меня туда, куда нужно: к профессии, которую я бесконечно люблю. Но каким-то кружным путем.

Пожалуй, в детстве вроде бы ничего и не предвещало моей театральной судьбы. Правда, матушка моя закончила в 30-е годы студию Завадского. Но ее актерская судьба не сложилась, т. к. отца посадили по знаменитой 58-й статье, и мать поехала за ним, как жена декабриста, чтобы быть поближе и в какой-то мере разделить его участь. Позже она, как и отец, работала воспитателем и педагогом.

В 1955 г., после ГИТИСа, я стал актером. Но стал — да не стал. Диплом еще не сцена. Ни один московский театр меня, коренного москвича, не захотел видеть в своей труппе. Очевидно, я был весьма заурядным. Пришлось ехать по распределению в далекий, неизвестный мне город Пермь. Вот в этом я усматриваю руку провидения. Она вела меня таким путем, чтобы сформировать во мне лидерские способности и даже поменять у меня характер.

В допермский период я был человеком пассивным, и едва ли не единственная моя активная акция — женитьба на 3-м курсе. А за три пермских года я поменял свою энергетику. Даже биохимический состав организма, считаю, у меня изменился за счет того, что я оказался в чужой, непривычной среде. Кроме того, мне хотелось назад, в Москву, но я понимал, что за здорово живешь вернуться в нее не смогу.

В Перми опять же провидение свело меня со студенческим театральным коллективом, которым я стал руководить. Тут-то я и понял, что на поприще режиссуры смогу работать не без успеха. Я поверил в себя и в 1960 году вернулся в Москву другим человеком. Прежде всего решил, как это ни трудно, войти в режиссерскую обойму. Для начала стал вести занятия в студенческих драматических коллективах: в Станкоинструментальном институте, а позднее в студенческом театре МГУ. Одновременно работал в Театре имени Гоголя, пытаясь все-таки сделать из себя хорошего актера. Но время шло, а я так и оставался средним характерным актером. Потом жена перетянула меня в театр миниатюр, которым руководил Владимир Поляков и где работала она сама. Здесь я играл веселых идиотов в эстрадном репертуаре. Есть люди, которые и сейчас вспоминают мои роли с удовольствием. Но я сам лишний раз утвердился во мнении: актер я посредственный, а призвание мое — режиссура. Дело было за небольшим: чтобы нашелся в Москве театр, который разделял бы мое мнение.

Смелый поступок Плучека

Это и впрямь был смелый поступок. Главный режиссер Театра сатиры Валентин Николаевич Плучек пригласил в свой великолепный ансамбль меня, режиссера из недр студенческой самодеятельности. Он пригласил меня еще и актером. Но перед этим искушением я устоял, а режиссером проработал в Сатире с 1965-го по 1973 год.

Именно в этом театре поначалу за мной и ходило то самое прозвище: «Мрак Анатольевич». Но вскоре во мне разглядели «Марка Анатольевича» и моими друзьями стали самые веселые и остроумные люди театра: драматург Григорий Горин, премьеры Андрей Миронов и Александр Ширвиндт. Последний еще в молодости прославился своей невозмутимостью. Никто и ничто не могло его вывести из равновесия и заставить удивиться. Андрей Миронов прозвал его за это «Железной маской». Нам с Андреем очень хотелось заставить Ширвиндта ее снять. Случай представился. Мы провожали Ширвиндта в Харьков на съемки. На вокзале с нами была и моя жена. Ширвиндт стоял на подножке вагона и невозмутимо сыпал остротами. Когда поезд тронулся, жена сказала: «Я придумала, как снять с него «железную маску»! Садитесь в самолет и встречайте Ширвиндта в Харькове — это повергнет его в шок!»

Идея понравилась, и мы побежали занимать деньги. С трудом достали и поехали в аэропорт. Но и с билетами оказалось трудно. Правда, Андрея уже узнавали по фильмам и для него проблем не было, а второй билет, для меня, не давали. Тогда Андрей заявил: «Это мой личный пиротехник. Меня ждут на съемках, а без него я не полечу». Почему он сделал из меня пиротехника, а не когонибудь попроще: личного гримера или личного костюмера, осталось тайной. И мне пришлось как-то косвенно доказывать принадлежность к этой замечательной профессии. Стоя в отдалении от кассы, я изображал какие-то далекие разрывы, почему-то свистел и чем-то позвякивал. Словом, режиссер, он же актер, худо-бедно мизансцену разыграл. Мы с Мироновым улетели и утром встретили Ширвиндта на съемочной площадке веселой песней. Шок был. Но не у Ширвиндта, а у нас, т. к. у него на челе промелькнула лишь некая тень изумления. Он похвалил нашу работу. «Ребята,— сказал он,— это акция серьезная и вызывает у меня огромное уважение». И все! А вот съемочная группа нам откровенно обрадовалась. Нас поставили на довольствие, и мы даже снялись в массовке, за что получили еще и гонорар. Это был единственный случай, когда известный актер Андрей Миронов и его личный пиротехник сыграли одинаковые роли в массовке.

Режиссеры тоже «плачут»

Не просто началась наша любовь с Татьяной Ивановной Пельтцер. Я ставил спектакль «Доходное место». Первая репетиция. Передо мной сидят А. Папанов, Г. Менглет, Т. Пельтцер, В. Васильева, А. Миронов — все ведущие актеры театра. А перед ними — я, пришелец из студенческой самодеятельности. Я изложил свою концепцию, сделал, выражаясь по-режиссерски, предварительную экспликацию спектакля. Говорил долго и, как мне казалось, очень удачно. Закончил. Пауза. И моя любовь, Татьяна Ивановна, сказала: «Что ж такое происходит в жизни? Как только человек ничего не умеет, ничего не понимает, так он обязательно в режиссуру лезет». Сказала взвешенно, припечатывая меня каждым словом. Я пытался перевести все в шутку, но удар любимая женщина нанесла серьезный. И лишь позже, в ходе репетиций, медленно, с трудом актеры меня приняли.

...Самое трудное в работе режиссера — это завоевать авторитет и доверие актеров. Особенно в сложившемся коллективе. Этот процесс сопровождается невидимыми миру режиссерскими «слезами». Но при вхождении в профессию избежать его нельзя. Виктор Сергеевич Розов как-то сказал замечательные слова. Правда, не о сложностях режиссерской работы, а по поводу стенаний драматургов, что, мол, цензура давит. Так вот он сказал: «Жаловаться драматургам на то, что давит цензура,— это все равно, что шахтеру жаловаться на то, что работает под землей и не видит солнца. То и другое входит в условия профессии».

...А что касается Татьяны Ивановны Пельтцер, то, когда я уходил из Сатиры в Ленком, я ее умыкнул. Вернее, она очень быстро последовала за мной и долго, вплоть до кончины, работала в Ленкоме.

Мы с огром-

● ЕСЛИ НЕ МЕНЯТЬ НАСТОЯЩЕЕ, В БУДУЩЕЕ ПРИДЕТ ПРОШЛОЕ. Алексей МУТОРИН, г. Екатеринбург.

● ОДНА ГОЛОВА — ХОРОШО, А С ТУЛОВИЩЕМ — ЛУЧШЕ. С. ЛУЗАН, г. Москва. ●

А. ВАСИЛЕНКО, г. Киев.

— Только и сказал ему, что я Киллер.. Киллер Григорий Семенович.



В. ЛУГОВКИН.

АНЕКДОТ БЕЗ БОРОДЫ

Разговаривают два «новых русских»:
— Я вчера «Запорожец» себе купил.
— Ты что, дурак? На кой он тебе?
— Интересно, а на чем же я по квартире буду ездить?!

Прислал Д. ВОРОНИН, г. Саратов.

— В чем различие между зеком и депутатом Госдумы?
— Первые ждут конца своего срока с нетерпением, а вторые — с ужасом.

*

Хирург-россиянин — пациенту-украинцу:
— Вам необходима срочная операция!
— Ни в коем случае! Я гражданин независимой Украины и не позволю вмешиваться в мои внутренние дела!

Прислал И. РАБИНОВИЧ, г. Москва.

Д. ПОЛУХИН, г. Воронеж.

М. ЛЯПУНОВ, г. Санкт-Петербург.

НЕ НАРОЧНО ПРИДУМАЕШЬ

«Господина Воробьева заставили ходить по начальству и доказывать, что он не верблюд. Но беда была еще и в том, что доказывать это Воробьеву было чрезвычайно трудно, тем более что все знают о его кличке «Верблюд».

(Из выступления.)

Прислал Н. ШЕВЦОВ, г. Томск.

«Заявление
Прошу вас выделить мне автомобиль ГАЗ-51 на субботу на 3 часа на свадьбу, съездить привезти невесту на наличный расчет».

Прислал В. ДЕРЯГИН, г. Бишкек.

«Снимите ему череп. У нас аппарат костей не пробивает».

(Направление к рентгенологу.)

Прислала Г. БОТЫГИНА, г. Архангельск.

«Акт
Полотеры при натирке полов в изостудии перемещали скульптуру Венеру Миловскую, была разбита голова и грудная клетка, внутри которой не было креплений, о чем не были предупреждены полотеры. Нижняя часть В. Миловской находится в хорошем состоянии, остальное — в аварийном. Комиссия считает, что В. Миловскую восстановить невозможно, к дальнейшей эксплуатации В. Миловская непригодна, и поэтому просим списать ее».

Прислал Е. ШАЛЬНЕВ, г. Лыткарино.



— Нет, жить будем на родине мужа — в Италии!

В. МИЛЕЙКО, г. Санкт-Петербург.

— Привык, паразит, к комфорту!

А. ВАСИЛЕНКО.

● ИЗ ТОВАРИЩЕЙ ПО НЕСЧАСТЬЮ МЫ СТАЛИ ГОСПОДАМИ ПО НЕСЧАСТЬЮ. ● ЕСЛИ СНОВА ВСЕ НАЧНУТ ШАГАТЬ В НОГУ — ЗНАЧИТ, ЗА КОЛБАСОЙ. Борис КРУТИЕР, г. Москва. ●

ной нежностью относились друг к другу. Она завещала мне свою библиотеку, и, когда ушла из жизни, мне привезли несколько ящиков ее книг. Я ими очень дорожу.

Как я подрывал моральные устои и искажал классику

Сделал я это в спектакле «Доходное место» с помощью названных выше актеров. Но спектакль был знаменит не только их участием — его довольно быстро запретила министр культуры Фурцева. Якобы я своим прочтением пьесы подорвал моральные, нравственные устои общества и исказил классику. Режиссерские мои прегрешения заключались в том, что в классический текст Островского была внесена публицистичность, поставлен акцент на вопросах, которые решают герои: конформизм или независимость? А идеологи боялись опасных параллелей. В спектакле к тому же были и элементы сатиры. А сатира, как предупреждал именно в это время незабвенный Н. С. Хрущев,— это обоюдоострое оружие.

Я забыл о таком предостережении, и мой следующий спектакль, «Банкет», по пьесе Г. Горина и А. Арканова был запрещен еще быстрее. Идеологические власти задумались над вопросом: разрешать ли мне дальше заниматься режиссурой?

Они ломали над этим головы, а А. А. Гончаров пригласил меня поставить в Театре имени Маяковского «Разгром» по А. Фадееву. Шел 1970 год.

«Разгром» вызвал большой гнев в Московском горкоме партии. Поскольку я становился идеологическим рецидивистом, то неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не Ангелина Осиповна Степанова, вдова А. Фадеева. По ее просьбе на спектакль был приглашен главный идеолог страны М. Суслов. Его присутствие означало нечто вроде скрытой идеологической экспертизы: есть крамола в спектакле или нет? Конечно, Суслову так никто сказать не мог, да и А. Степанова, передавая приглашение на «интересный спектакль», беспокоилась о Фадееве: запрещают его произведение. Тем не менее момент был кульминационным и для меня.

...Суслову спектакль понравился. После его окончания он встал и аплодировал, а я понял, что этим решается моя судьба. В 1973 году я стал главным режиссером театра имени Ленинского комсомола.

У нас в театре конституционная монархия

Мы переделали пышное название театра: Дважды орденоносный, имени Ленинского комсомола — в Ленком. Слово — продукт городского фольклора. Нас часто спрашивают: а почему не расстаетесь с этим именем? А зачем? Со своим названием театр существует с 1927 года, и не стоит открещиваться от истории, какой бы печальной она ни была.

Я, наверное, режиссер-диктатор. Но с мягкими демократическими замашками и пониманием актерской души. Сам актерскую чашу испил. Словом, у нас в театре конституционная монархия, т. к. театру, как мне кажется, нужна и твердая монаршая рука, и ограничивающая ее конституция. Театр — это ведь нестойкое образование. Он стремится к распаду и подвержен многим заболеваниям. По определению Станиславского и Немировича-Данченко, век театра — 20—25 лет. Но жизнь театра может быть продлена, если в старые мехи влить молодое вино. Во МХАТе 1-м так и было. На его закате в театр пришла 2-я студия (2-й МХАТ), поколение О. Андровской, Н. Хмелева, А. Яншина — и жизнь МХАТа увеличилась вдвое. Я верю: молодая поросль талантливых артистов обещает нашему театру долгую жизнь. В этом убеждает большой зрительский и кассовый успех спектаклей с участием молодежи: «Королевских игр» — оперы для драмтеатра и «Женитьбы Фигаро» — музыкальной комедии, говоря о которой хочется самонадеянно перефразировать Пушкина: «Откупори шампанского бутылку иль посмотри «Женитьбу Фигаро»... в театре Ленком!

Подтачивают театр звездные болезни актеров. Поэтому я занимаюсь профилактикой. Когда актер или актриса после удачного спектакля или фильма просыпаются знаменитыми, я ищу повод для разговора и легких, безболезненных нравственных инъекций. В интересах самих же знаменитостей, чтобы у них, как говорят теперь, не поехала крыша.

Зачем мне политика?

Я и сам задумываюсь: зачем мне, кроме театра, еще и политика? Мало у меня дел, связанных с режиссурой, художественным руководством театром, мастерской в РАТИ (бывший ГИТИС), секретарством в Союзе театральных деятелей? Так нет, меня втянуло в политику.

Объяснение такое: диссидентство, сидящее во мне и находившее ранее выход в режиссерских сценических протестах, в период перестройки перешло в открытую общественную форму. Я был избран депутатом Верховного Совета СССР и пробыл в нем до ликвидации СССР.

Когда Президентом России стал Ельцин, я оказался в Президентском Совете. Совет — канал неофициальной информации для Президента. Иногда приглашают всех членов Совета, иногда часть. Видимо, зависит от темы. Но тему сообщают в день вызова. На Совете режем правду-матку. Бывают споры и разногласия. Но, наверное, это и нужно. Каков КПД? Бог его знает. Моя совесть чиста: душой не кривил... Эйфория перестройки толкнула меня и в публицистику. Появилось желание высказаться, сформулировать свое понимание политической ситуации, обозначить личную позицию в ней. Я тряхнул стариной и время от времени стал выдавать на-гора́ публицистику. В отличие от «крокодильского» периода юмористических рассказов — это не для заработка. «Известия» предложили вести рубрику, я согласился и продержался довольно долго, еженедельно публикуя статьи. Это уже превращалось в профессию, надо было бросать театр. После 23-го публицистического творения я честно сдался и сошел с дистанции. Голембиовский меня трогательно поблагодарил. Сейчас публикуюсь, но бессистемно, пишу, когда не могу не написать.



Пытаясь разыграть Александра Ширвиндта, Марк Захаров и Андрей Миронов не поленились нагрянуть в Харьков. Там-то вся великолепная троица — уникальный случай! — и приняла участие в этой киношной эпопее.

Формула любви

Вообще-то так назывался фильм, в котором моя дочь Александра сыграла роль Фимы. Но если взглянуть на словосочетание несколько философски, то, наверное, такая формула существует. В чем-то для всех одинаковая, а в чем-то разная. Для меня эта формула включает любовь к семье, к природе в целом и к отдельным ее представителям, к искусству, о чем я уже высказался, к литературе и еще много к чему, что составляет жизненные ценности.

После такого пафоса невредно сказать попроще, что конкретно я имею в виду. Конкретно я совершенно откровенно заявил на своем 60-летнем юбилее: «Со своей женой Ниной Тихоновной я состою в браке неприлично долго». В самом деле, в театральной среде брак свыше 40 лет с первой и единственной женой — это если не нонсенс, то уж, во всяком случае, редкость. А мы-то медленно, с надеждой приближаемся к золотой свадьбе. Мог бы наш брак прерваться, когда жене предложили по окончании ГИТИСа работу в театре Москвы, а я покатил в Пермь. Так ведь нет — жена поехала за мной.

Дома в лидерах долгое время ходила жена, а я учился у нее демократическому обхождению с руководимым ею большинством и наверняка ее гуманные принципы как-то подспудно переносил в театр. Отношения руководителя и руководимых — тонкая материя.

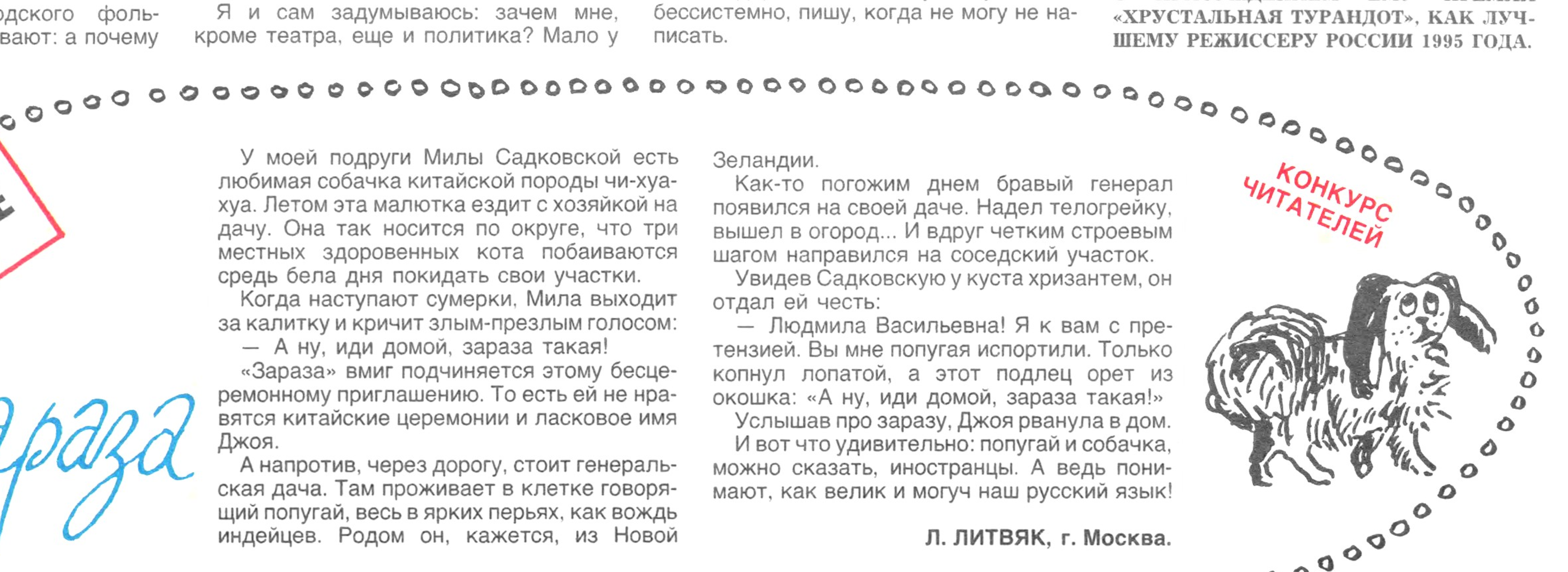
В такой обстановке вырастили дочь Александру. У нее дополнительные сложности: она актриса Ленкома, и с нее двойной спрос. Впрочем, ей, кажется, это на пользу. Недавно ей присвоено звание заслуженной артистки России, она снимается в фильмах не только у папы, но и у других режиссеров.

После «Формулы любви» именем ее героини был назван еще один член семьи — фокстерьерша со вздорным характером и тоже претендующая на роль лидера. Когда я дома, Фима признает вожаком меня, уважает мои команды и акции. Но когда я ухожу, Фима считает главной себя, начинает командовать женой и дочерью, рычать и запугивать своих подчиненных.

Собаки в подавляющем большинстве благородны и бескорыстно преданны от рождения. «Образованцев» с собачьими дипломами среди них ничтожно мало. Этим наши братья меньшие выгодно отличаются от нас — братьев старших, которые так и не разобрались, кто из них есть настоящий интеллигент, а кто просто «образованец». Та же Фима не знает, что я художественный руководитель театра, народный артист, ее не заподозришь в корысти и лести. Она преданна, любит верно и бескорыстно. А ее характер? Так ведь кто не без греха?

Беседу вела Аза ПАВЛОВА.

От редакции. **СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ МАРКА АНАТОЛЬЕВИЧА, СТАРИННОГО АВТОРА «КРОКОДИЛА», С ПРИСУЖДЕНИЕМ ЕМУ ПРЕМИИ «ХРУСТАЛЬНАЯ ТУРАНДОТ», КАК ЛУЧШЕМУ РЕЖИССЕРУ РОССИИ 1995 ГОДА.**



Зараза

У моей подруги Милы Садковской есть любимая собачка китайской породы чи-хуахуа. Летом эта малютка ездит с хозяйкой на дачу. Она так носится по округе, что три местных здоровенных кота побаиваются средь бела дня покидать свои участки.

Когда наступают сумерки, Мила выходит за калитку и кричит злым-презлым голосом:

— А ну, иди домой, зараза такая!

«Зараза» вмиг подчиняется этому бесцеремонному приглашению. То есть ей не нравятся китайские церемонии и ласковое имя Джоя.

А напротив, через дорогу, стоит генеральская дача. Там проживает в клетке говорящий попугай, весь в ярких перьях, как вождь индейцев. Родом он, кажется, из Новой Зеландии.

Как-то погожим днем бравый генерал появился на своей даче. Надел телогрейку, вышел в огород... И вдруг четким строевым шагом направился на соседский участок.

Увидев Садковскую у куста хризантем, он отдал ей честь:

— Людмила Васильевна! Я к вам с претензией. Вы мне попугая испортили. Только копнул лопатой, а этот подлец орет из окошка: «А ну, иди домой, зараза такая!»

Услышав про заразу, Джоя рванула в дом.

И вот что удивительно: попугай и собачка, можно сказать, иностранцы. А ведь понимают, как велик и могуч наш русский язык!

Л. ЛИТВЯК, г. Москва.

М. ДОМБРОВСКАЯ, В. ЛУГОВКИН

НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ...







АНЕКДОТ С БОРОДОЙ

— Мамочка, а правда, что люди растут, как картошка, под землей?

— С чего ты взяла, доченька?

— А дядя спросил у нашего папы: «Где это ты свою бабу выкопал?»

Прислала М. ЗВЕРЕВА, Амурская обл.

Жена — мужу:

— Представляешь, сегодня в метро сразу трое молодых мужчин уступили мне место!

— И ты поместилась?

Прислал В. ИВАНОВ, г. Нововоронеж.

— Доктор, мне уже восемьдесят, а я все еще за девочками бегаю...

— Так ведь это хорошо!

— Да, но я не помню, зачем...

*

В ресторане посетитель внимательно изучает меню.

— Мне, пожалуйста, порцию «Лангетти».

— Это невозможно.

— Почему?

— Это директор ресторана.

Прислала О. МАРКИНА, Кировская обл.

Молодые родители собираются в кино, но ребенка оставить не с кем. Тогда папа включает проигрыватель, надевает сыну наушники, ставит долгоиграющую пластинку с детской сказкой. Довольные, родители уходят.

Вернувшись домой, они видят бьющегося в истерике мальчика, который повторяет: «Хочу! Хочу! Хочу!!!» Мама пытается его успокоить, а папа надевает наушники и слышит: «Здравствуй, дружок. Хочешь, я расскажу тебе сказку?.. пшшш... Здравствуй, дружок. Хочешь, я расскажу тебе сказку?.. пшшш...»

Прислала О. ОЛЕЙНИКОВА, г. Санкт-Петербург.



ПИФ-ПАФ! ОЙ-Ё-ЁЙ!

Некоторые предприятия купаются в славе. Буквально как наши звезды эстрады. Не привыкли они к хуле, настроены только на восторги по поводу выпускаемой продукции. Сигналы иного рода вызывают у них досаду, как нарушающие картину привычной благостности.

Кто не знает Тульский оружейный! Это наша гордость, известная на весь мир. И вдруг таганрожец Ш., ставший владельцем новенького охотничьего ружья, начинает вести себя не в унисон со всем благодарным миром. После первых же выстрелов в его ружье что-то заклинило. И этот Ш., совершенно не беря в расчет, что прославленным оружейникам может быть, недосуг спускаться с пьедестала, отправляет на завод неисправные детали, чтобы их поменяли на новые. К его просьбе присоединяется председатель Таганрогского общества охотников, так как ружье было куплено в подведомственном ему магазине «Охотник».

Наверное, когда люди думают о собственном величии, им трудно снизойти до прозы жизни. Короче, замены не состоялось, и пропустивший сезон охоты Ш. обратился в городской Союз потребителей. Там составили иск, и суд произвел прицельный выстрел по оружейникам. Пиф — возместить стоимость всего ружья! Паф — взыскать 2 млн. неустойки и компенсацию за моральный вред!

Ой-ё-ёй! — донеслось из Тулы.

У суда оружие оказалось исправным.

ЗАТМЕНИЕ

Бывает, заведется в доме вещь, а ты не знаешь, твоя она или чужая. Вроде бы и деньги платил свои, кровные, а все равно сомнения берут. Даже начинаешь думать, а не спер ли ты часом эту штуку? Мало ли, находят на людей затмения, учудят чего-нибудь в отключке, а потом сами удивляются: откуда у меня этот интересный предмет?

К жителю Екатеринбурга Ш. (еще одному Ш. не повезло) приблудился автомобиль УАЗ. Нет, в памяти у него осталось, как приобретал он этот подержанный автотранспорт на сельхозпредприятии «Свердловское», как выкладывал за него запрашиваемую сумму, как оформлял сделку по купле-продаже. Да вот она, бумага — заверенная, с печатью, подписью...

Так-то оно так, но все равно возникают сомнения: не чужая ли. Тем более в бухгалтерии «Свердловского» никаких следов о совершении сделки не сохранилось. Дело Ш., как вспоминается ему, имел с главным инженером, который, говорят, уволился и пояснений дать не может. Документы на машину также отсутствуют по неизвестной причине, хотя в памяти Ш. и засело, что хозяйство обещало выдать их позже, но не сделало этого. А без документов «уазик» вызывает еще больше недоумений — мало того, что не можешь подтвердить законность его приобретения, еще и не поездишь на нем — ГАИ без документов машину не оформляет.

Поскольку в хозяйстве «Свердловское» пожимали плечами, словно видели Ш. в первый раз, он пришел в суд. Или, говорит, арестуйте меня как вора, или разберитесь с продавцами, может, это у них странные провалы с памятью, а не у меня.

Как ни странно, суд принял это мистическое дело к исполнению. И обнаружил, что память подкачала у продавцов, которые, между прочим, уже на ранней стадии судебного разбирательства все вспомнили и добровольно выдали Ш. необходимые документы, а также, посовещавшись с судьей, выплатили хозяину «уазика» кругленькую сумму за причиненный вред.

ВЗГЛЯД В НАСТОЯЩЕЕ

Мы часто сетуем, что нет у нас уверенности в завтрашнем дне. В том смысле, что будущее может преподнести нам нежелательный сюрприз. Хотя вовсе не обязательно так далеко заглядывать: в дне сегодняшнем тоже не все устоялось, живешь и не знаешь, чего ждать в ближайший час. Нет уверенности, что он пройдет без приключений.

Бизнесмен из Волгодонска Г. приобрел в местном турбюро билет на коммерческий автобус до Москвы. Первый сюрприз: посадка состоялась на час позже. Второй: в пути автобус постоянно ломался. Третий: до столицы добраться на нем так и не удалось. Наняв другую машину, пассажиры вернулись в Волгодонск, где в турбюро им пообещали дать исправный автобус. Этого не произошло, и от услуг турбюро пришлось отказаться.

Вот и подумайте: стоит ли нам, граждане, бояться завтрашнего дня, когда сегодняшний не менее пугающий. Пусть боятся его те, кто отравляет нам текущее существование. Например, турбюро, подсовывающее своим клиентам разваливающийся на ходу транспорт,— это счастье еще, что они не вляпались в аварию.

По иску пострадавшего бизнесмена суд взыскал с турбюро неустойку и компенсацию за моральный вред. У таких горе-работников уверенности в завтрашнем дне тем более быть не должно.

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ.

УГОЛОК УГОЛОВКИ

ДВА ВЫСТРЕЛА СЛИЛИСЬ В ОДИН

Видать, насмотрелся боевиков рабочий угольного разреза (Приморский край, Пожарский р-н) Е. Шаталов, а вот выводов для себя так и не сделал. А вывод достаточно прост: преступник обязательно будет повержен, коли вступил он в конфликт с законом в лице полицейского там или милицейского у нас.

Ну, и учинил хулиганство труженик в свободное от работы время, а оказавшийся рядом старший лейтенант милиции Ю. Баннов развернуться буйству не дал и предложил пройтись в отделение. Шаталов в ответ по-голливудски выхватывает револьвер (он был газовый, но кто ж знал?), а старший уполномоченный — «Макаров», боевой.

И два выстрела слились в один.

Ю. Баннов продолжает нести службу.

Место труженика вакантно.

КРЕДИТ СЕБЕ, ЛЮБИМОЙ

Если спросить у нашего народа, чем занимаются отечественно-финансовые воротилы, народ, сто процентов, ответит: «Жируют! Хапают денежки!»

А вот и не так, господин народ, и тому есть блистательный пример. В славном городе Владивостоке управляющая региональным филиалом «Промстройбанка» Н. в 1994—1995 годах не хапала, а резко наоборот — щедро раздавала кредиты, и сумма эта достигла аж 40 млрд. рублей. (Н. сейчас задержана.)

Но что бы ни говорили: мол, Н. является соучредителем облагодетельствованных ею фирм и потому, дескать, знала, что кредиты никогда не вернут,— факт есть факт! Наши финансисты не только хапают, но и дают! Другое дело, для того, чтобы опять-таки... Ну, вы поняли...

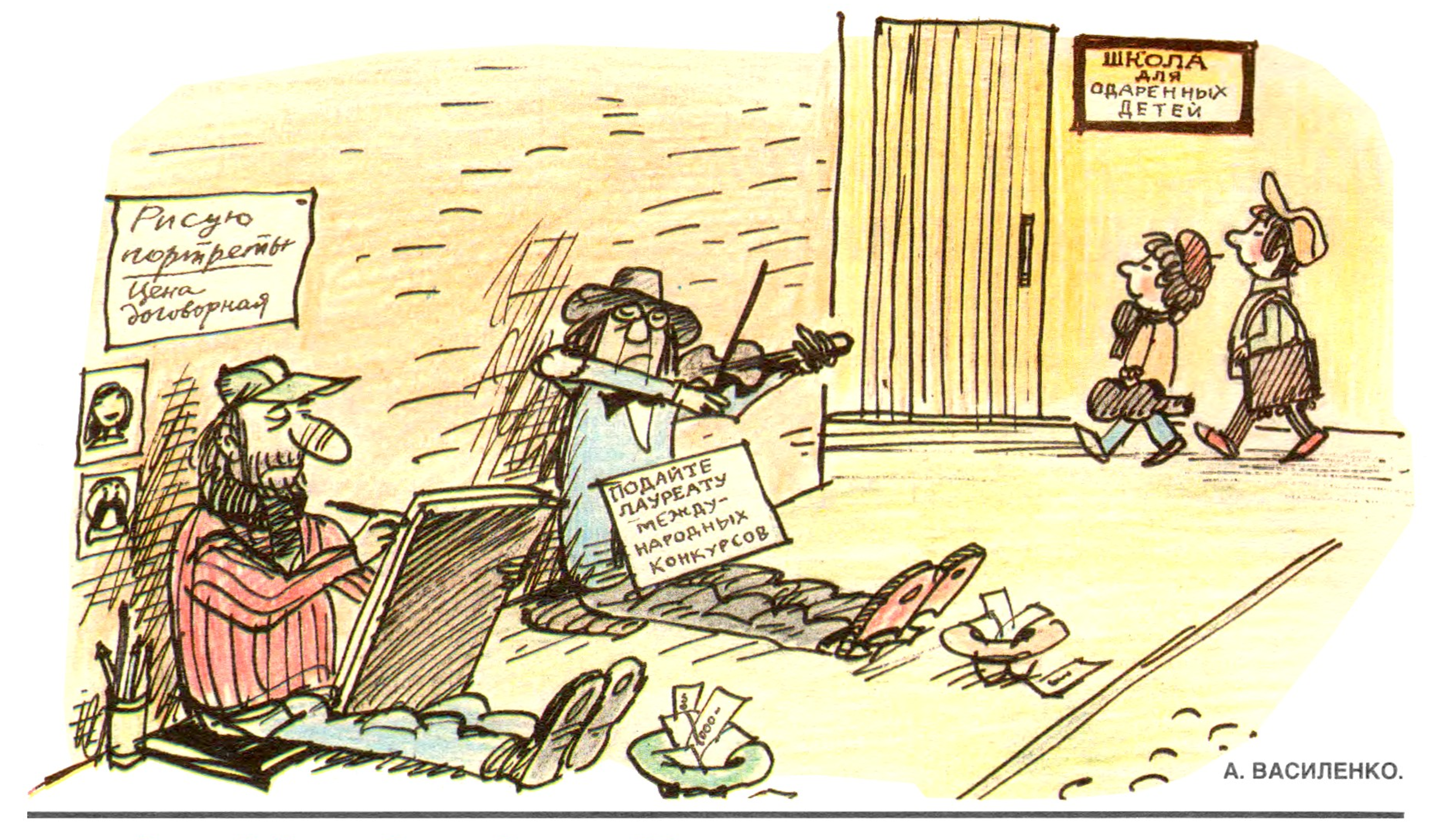
ГРАНАТА ДЛЯ ОБОЛЬЩЕНИЯ

В безоблачные годы как мы, вьюноши, привлекали внимание окрестных дев? Кто тягал гирю и наращивал гладиаторский мускул на правой руке. Кто отчаянно мучил шестиструнную гитару, перелаженную из семиструнки. А кое-кто имел магнитофонную приставку «Нота», на чьи слабенькие возможности, ой, как слетались местные кокетницы.

Милое, доброе время!

Великовозрастный К. Гумаков (Ростов-на-Дону) буквально на днях, скажем точно и грубо, нажрался. Но этим у нас девиц не удивишь, а уж тем более не привлечешь. Тогда Гумаков, закручинясь, сходил в квартиру и вышел во двор уже с РГД-5, боевой гранатой. Рванул чеку, бросил гранату, раздался взрыв. И жаждущего внимания сразу заметили и услышали: и девушки, и женщины, и дети, и милиция, которая ждет не дождется, когда Гумаков встанет с больничной койки для того, чтобы, как вы понимаете, сесть.

Штатный «уголовник»
Ю. КАЗАНЦЕВ.



А. ВАСИЛЕНКО.

зАвИрАлЬнЯ

Опилки с сахаром

Цех по производству фальшивых «Баунти» обнаружили сотрудники ОВД Носковской области. Начинку, имитирующую мякоть кокоса, мошенники делали из древесных опилок с сахаром, шоколад гнали из коричневого гуталина, а обертку изготавливали на черно-белом ксероксе, затем раскрашивая ее цветными карандашами. Самое удивительное, что покупатели получали от фальшивки не меньше «райского наслаждения», чем от настоящих батончиков. Обнаружился подлог случайно — милиционеры нагрянули в цех, думая, что в этом помещении гонят без лицензии банальный самогон.

Аттестат по факсу

Для детей состоятельных господ в г. Старые Козлы открыта «Телефонная гимназия». Ребенок, сидя дома, в привычной для него обстановке, связывается с педагогами по телефону, слушает их объяснения, отвечает на вопросы по программе. Домашние задания посылает учителям по факсу. А в конце обучения, тоже по факсу, получает из гимназии аттестат зрелости.

Много шума из неглиже

Известный французский кутюрье Ив Сен-Ларион показал новую коллекцию дамских купальников летнего сезона-96. Настоящую сенсацию произвели бикини из жести, фанеры и гудрона, трусики из пенобетона с наполнителем. Но ценители высокой моды буквально застыли с открытыми от удивления ртами, когда объявили костюм для солнечных ванн «Фантазй», а на подиум вышла... совершенно нагая манекенщица! Такой творческой смелости не ожидал никто, и художник был осыпан цветами и комплиментами. Когда журналисты начали домогаться, как ему в голову пришла такая гениальная идея, Ив Сен-Ларион, покраснев, признался: «Просто моя топ-модель впопыхах забыла надеть предназначенный для показа купальник...»

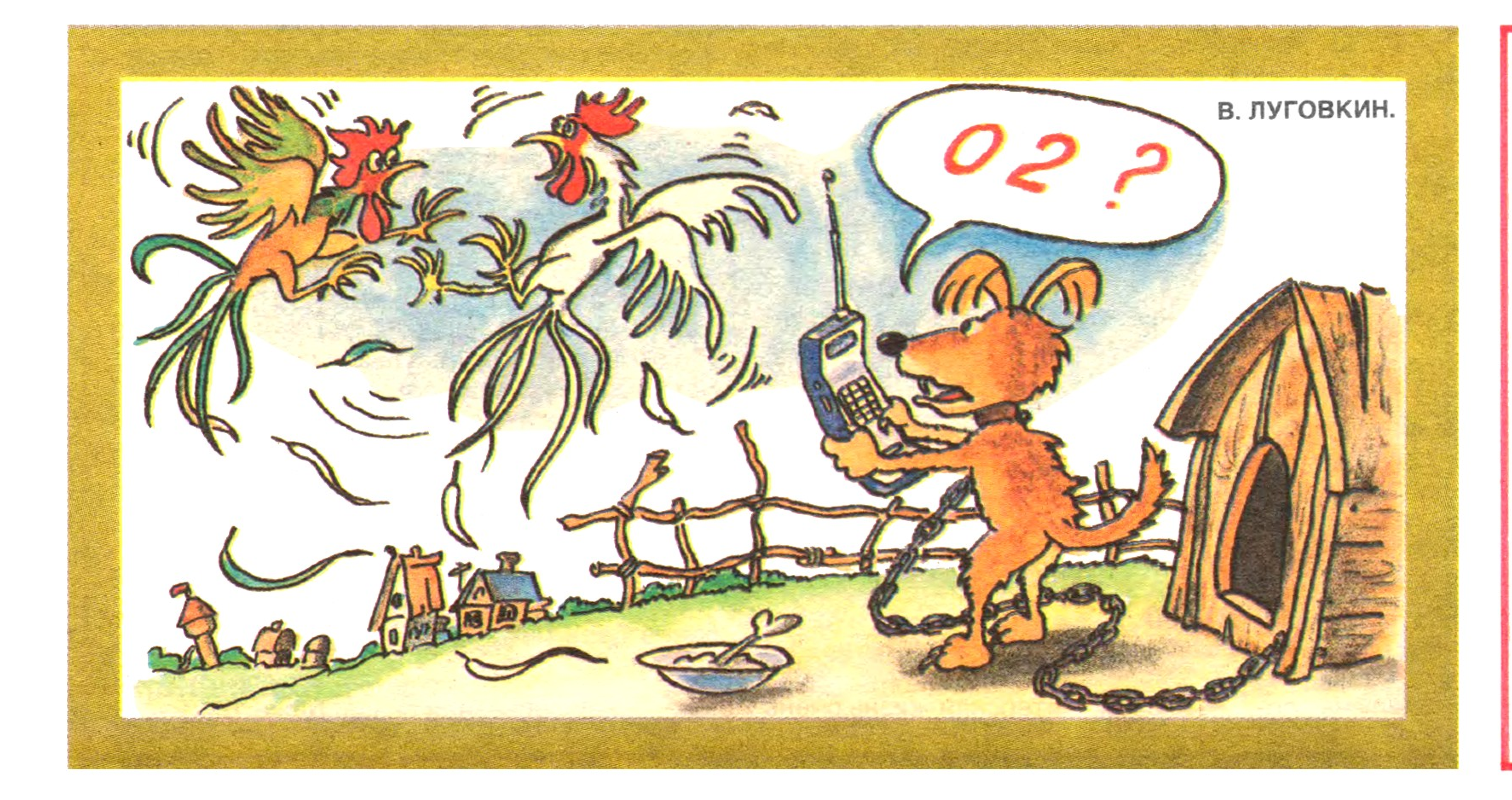
И чтец, и жнец...

Все большее распространение в частных российских фирмах получает новая профессия — чтец. Причем его деятельность связана не с художественной декламацией литературных произведений, а с обычным "озвучиванием" деловой документации, рекламных буклетов, прессы. Нанимают чтецов те «новые русские», которые не знают грамоты. А поскольку зарплата у чтецов приличная (в СКВ), то на эту должность охотно устраиваются дикторы и комментаторы телевидения, уволенные в последнее время руководителями ОРТ и ГТРК.

Смотри, пока молодой

На видеорынок поступила кассета с записью кинохита сезона — фильма «Алая шляпа» режиссера Вилли Вильямса. Снята лента по мотивам сказки Ш. Перро «Красная шапочка», но представляет собой эротический триллер с элементами крутого боевика. Сюжет картины вкратце таков. Секретный агент ФБР Редди Кэп узнает, что его троюродная бабушка, которая живет в индокитайских джунглях и которую он никогда не видел, организовала в своем бунгало секретную лабораторию по производству наркотиков. Редди решает обезвредить мерзкую старуху и бросается на ее поиски. Ему препятствуют все военизированные силы наркомафии Юго-Восточной Азии. Перестрелкам, перебежкам и поединкам в стиле конгфу и карате несть числа. Кэп один справляется со всеми противниками и лицом к лицу сталкивается с самой бабулей — ею оказывается очаровательная блондинка с грудью 10-го калибра. «Почему у тебя такой большой бюст?» — удивляется троюродный внук. «Чтобы соблазнить тебя, дурашка!» — отвечает женщина-вамп, стаскивая блузку. Вспыхивает любовная схватка в стиле «Камасутры». Обессиленные любовники засыпают друг у друга в объятиях. Однако просыпается бабушка уже в наручниках, в окружении охотников из ФБР.

Совсем заврался М. СУВЕЛЬЕВ.



В. ЛУГОВКИН.

Любовь ЛЬДОВА

* * *

И ситца наберу
семь километров.
И юбку-выкрик
я себе смастáчу.
А то, что буду
издали заметна,
в масштабе местном
ничего не значит.
Я и без ситца
буду многим сниться,
но лишь тебе — ни я,
ни мой наряд...
И выгорают,
выцветают ситцы —
лугов цветущих
яркий плагиат.

* * *

Я была поэтессой,
а стала поэтом.
Только я не жалею
нисколько об этом.
Да простит эту дерзость
возлюбленный мой,
в моем сердце отныне
после Бога — второй.
И бумагу стихом
я все реже мараю.
То похлебки варю,
то пеленки стираю,
то вареник с пурпурной
малиной леплю...
То терплю, то люблю,
то люблю, то терплю...
И фигура моя
стала видного веса.
Это стерпит поэт.
Никогда — поэтесса.



КИНОСУДЬБЕ ШЕПНУ: «МЕРСИ БОКУ!»

Валентин СМИРНИТСКИЙ

От Хлестакова до Портоса

Почему стал актером? Да не знаю, как-то так вышло. Мог и не стать. В школе учился так себе, ленился, хотя хорошо соображал в математике. Но в восьмом классе в драмкружке сыграл Хлестакова и имел бешеный успех. Получив аттестат, поступил в Щукинское, благо жил на Арбате и училище находилось прямо через двор.

На последнем курсе режиссер Миша Богин, тогда студент ВГИКа, пригласил меня в свою дипломную работу: я играл музыканта, влюбившегося в глухонемую девушку. Партнершей была дочь знаменитой Зои Федоровой, Вика. (Кстати, на эту роль пробовали действительно глухонемую, но из этого ничего не получилось: натурализм не гарантирует достоверности.) Если у меня было какое-то актерское образование — почти четыре курса,— то Вика тогда была... ну, просто талантливой девочкой. И фильм «Двое» получился. Наутро, как говорится, я проснулся знаменитым. Тогда с этим было легче: фильмы смотрели, кинотеатры были всегда полны, а на хорошие фильмы и билетов не достать.

После училища я попал в театр, в который хотел попасть,— в Ленком, к Анатолию Эфросу. Все у меня складывалось удачно. Я играл у прекрасного режиссера в пьесах классиков: Шекспира, Чехова, Островского. И в кино играл часто, причем в популярных картинах — романтических, музыкальных, комедийных, спортивных.

И вдруг приглашают играть Портоса в фильме Юнгвальда-Хилькевича «Д'Артаньян и три мушкетера»! Я вначале был очень удивлен. Хотя давно хотелось попробовать то, что не играл раньше.

Карьера мушкетера

Начали из меня делать Портоса. Тучного, веселого, отважного эпикурейца. Утолщенный ватой костюм, громадный нелепый парик с кокетливой косичкой, яркий грим, походка вразвалку. В общем, стал я килограммов на пятнадцать тяжелее. А тут еще надо на лошади скакать, фехтовать, бегать, прыгать, и не абы как, а лихо, азартно. Чувствовал себя неуютно, скованно. Самое главное, боялся, что зритель увидит, что я весь «сделанный», неестественный, вообще ненатуральный.

Снимали Париж в нынешнем «ближнем зарубежье» — во Львове. Около съемочной площадки всегда толпилось много зрителей. И какая-то женщина однажды спрашивает ассистента режиссера: «Скажите, а вон тот действительно Смирнитский?» — «Ну да, это он»,— отвечает ассистент режиссера. «Вы подумайте только,— вздохнула женщина,— еще в прошлом году на гастролях я видела его в роли Кассио, и всего за год во что он превратился? Просто чучело гороховое!»



Этот «комплимент» был мне очень кстати. Я сразу успокоился и уже не сомневался, что я — Портос.

После этого мне стали предлагать характерные роли. И если в Портосе зрительница хоть и не сразу, но все-таки узнала меня, то в фильме «Система «Ниппель» Александра Панкратова-Черного (очень хорошего режиссера, актера и просто человека) меня никто не узнавал. Даже в Доме кино после премьеры Сашу спрашивают (а я стою рядом): «Слушай, а кто у тебя играл этого Вову?» Братья-актеры меня не узнали! И грима-то особенно не было, просто голову обрили. Такое вот перевоплощение.

А к Портосу я вернулся через четырнадцать лет в фильмах «Три мушкетера. Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон». Итого девять серий. Чем не «мыльная опера»?

Кстати, критики ругали эти фильмы, уж не помню, за какие грехи. Ну и что? Эти ленты, особенно «Д'Артаньян и три мушкетера», смотрят, и с удовольствием, уже как минимум два поколения зрителей.

Для актеров это большая удача.

С риском для жизни

На съемках «Мушкетеров» мы должны были безупречно скакать на лошади. С нами занимались опытные наездники. Скакать научились, а вот препятствия брать... Игорь Старыгин категорически отказался. Сел на лошадь: «Скакать буду, а прыгать через препятствия — ни за что».— «Ну, не хочешь — не надо»,— говорит наш тренер. И как ударит хлыстом по крупу лошади, она взвилась, понесла и — перемахнула через барьер. Игорь вцепился мертвой хваткой и — не упал. Но в седле его не было: сполз под брюхо скакуна. Все очень веселились.

Еще больше веселились, помню, на съемках фильма «Приказано выжить». Это второй фильм из сериала «Щит и меч». Я там играл такого интеллигентного мальчика-солдата, который попал к немцам в плен, а они завербовали его в диверсионную школу. Снимали в Польше, в старом замке, где действительно в войну была диверсионная школа. В общем, этот солдат бежал из школы, но немцы его поймали и решили повесить. Весь «израненный», я стою на грузовике с петлей на шее, потом грузовик отъезжает, и... А «техника безопасности» была такая: сделали мне всякие приспособления, парашютные лямки под мышками, а к петле — страховочный тросик, чтобы она не затянулась. И вот, грузовик отъезжает, петля натягивается, тросик лопается, и я повисаю в петле почти по-настоящему. Подбежали, вынули, откачали. Вокруг — сплошной хохот. «Чего смеетесь, не стыдно?» — обиделся я. «Очень,— говорят,— смешно ты ногами сучил и дергался». Веселая публика эти артисты!

Остановите Смирнитского?

Сейчас актерская жизнь очень усложнилась. Не дай Бог, конечно, вернуться к прежним временам, я этого не хочу. Но в какой-то степени в Стране Советов нам было легче. Поскольку Ленин важнейшим из всех искусств велел считать кино, то и внимание к нему было особое. Картины выходили одна за другой, денег не жалели, работали мы много и в охотку. Конечно — цензура, «полочные» фильмы и прочее. Помню, не пропустили на экран картину, в которой я играл главную роль,— «Остановите Потапова!» — по рассказу Григория Горина. Дескать, что это за герой такой: жена, любовница, всем врет. «Нетипично!» Хотя фильм был хороший. Позже примерно про такого же типа снял картину Данелия — «Осенний марафон».

Сейчас кино в ужасном состоянии. Я думаю, этот тяжелый период пройдет, все наладится, но наше поколение актеров уже будет выбито из обоймы. Хотя мы все-таки успели о себе заявить. А молодые... Говорят, есть у нас много талантливых молодых актеров. Ну, есть. А кто их знает? Конечно, определенная часть зрителей, серьезно интересующаяся кино, их отметила, но такого всенародного успеха, который был у артистов раньше, нет. В кино никто не ходит. По телевизору бесконечно «раскручивают» только рок-певцов. Причем хороший певец или нет, есть у него голос или нет — даже не поймешь. А кто «раскручивает» киноактеров? «Кинопанорама» — и та приказала долго жить. Отсюда и уровень: «Просто Мария» да Леня Голубков.

Кстати «Леня Голубков» приезжал в Гильдию актеров, просил принять. Его спрашивают: «А какие у вас актерские работы?» Очень он рассерчал, говорят. "Все равно примете",— пригрозил. Пока не приняли.

Как-то летел я в Америку чартерным рейсом. И «Леня Голубков» тоже летел. Вы бы видели, как его в аэропорту «принимала» публика! Ну просто Петр Алейников! «Всенародная любовь».

Штучки-дрючки

Вслед за Эфросом группа актеров ушла из Ленкома в Театр на Малой Бронной. Играли много, с радостью. Даже из слабых, «назначенных сверху», пьес делали конфетку.

Однажды пришло указание поставить пьесу румынского драматурга «Общественное мнение» из жизни журналистов. Взяли под козырек и поставили за двадцать дней. Спектакль был почти весь на импровизации: слабенькая пьеса служила просто «конспектом» и приходилось наполнять ее «своими словами». Герой Тиграна Давыдова и Андрюши Мартынова (они играли по очереди) читал там стихи. Стихи были очень смешные. Их писал Георгий Мартынюк, который тоже был занят в спектакле. К каждому спектаклю он сочинял новые стихи «на злобу дня». У Мартынюка целая тетрадь этих стихов. По ходу спектакля я спускался в зрительный зал и произносил свои монологи, адресуясь к конкретному зрителю. Так придумал режиссер. Для этого в партер «подсаживали» актеров. Однажды совершенно неожиданно со мной вступил в диалог настоящий зритель. Он был хорошо навеселе, и ему захотелось поговорить. Я несколько обалдел, но продолжал беседу, потом поднялся на сцену, и он двинулся за мной. Актеры, сообразив, в чем дело, продолжили игру, а в конце я осторожненько увел его за кулисы. Зрители, кажется, ничего и не поняли, посчитали, что так и должно быть.

Вообще на сцене часто случались всякие накладки. В «Золотой карете», например, замечательный артист Борис Михайлович Тенин играл полковника. Такая серьезная пьеса. Даже трагическая. И вот полковник-Тенин встречает

Смирнитский

своего бывшего солдата, который ослеп и теперь играет на гармошке. «Что, солдат, не узнаешь меня?» — обращается к нему полковник, который не знает еще, что тот слепой.— Ведь я же твой комадрил!» (вместо «командир»). Сейфулин, игравший солдата, скорчился от смеха. И вдруг Тенин кричит: «Ты что, насмехаешься над народным артистом, дурак?!» Тут уже от смеха попадали все другие актеры (слава Богу, в зале мало что поняли). Тенин был прекрасный актер, с изумительным чувством юмора и любил всякие такие штучки на сцене откалывать.

А что сейчас?

Сейчас у меня нет постоянного театра, я в «свободном полете». Но вообще за театр я рад: зритель в театр ходит. Здесь все в полном порядке. В последнее время появилась новая форма отношений с актерами, то есть не новая, а хорошо забытая старая — антреприза. Я участвую в антрепризе Калягина, играю в его театре «Et cetera». Играю в пьесе английского драматурга Питера «Измена». Жестокая мелодрама. Он, она и друг-любовник. Хорошая драматургия, для подготовленного зрителя. И зал полон. Так что с театром все нормально.

Вот кино — жалко...

О моих собаках

Отвлекаться от грустных киномыслей помогают мои четвероногие. Собак обожаю. У нас всегда в семье были собаки. Сейчас их четыре. Четыре дамы, одна лучше другой. Пудель, кавказская овчарка и две мастино-неаполитано, мама и дочка. Все они любимые и замечательные, но одна — особенная, это мама-мастино. Она вдруг стала... говорить! Ее даже по телевизору показывали за такой талант — в «Мире животных». Трепаться много не любит. Говорит конкретно и только по делу. Подходит, долго складывает губы и — четко: «Вава, мама, ам-ам». Я — Вава, моя жена — мама, а «ам-ам» — это ясно и без перевода: есть давайте! Ее дочка Ундина пока молчит, но думаем, что тоже заговорит: гены все-таки.



Беседовала с говорящей собакой и ее хозяином Нонна САВЕЛЬЕВА.

Мемуарчики

ФОНОГРАММЫ ПАМЯТИ

Мои встречи с Леонидом ЛИХОДЕЕВЫМ

— Леня, это смешно. На презентации было человек двадцать. А на фуршете после презентации уже человек шестьдесят толпились вокруг стола.
— ...Столопады...

⁂

— Леня, ты же не только писатель, но и художник. Как мастер кисти и карандаша, что ты можешь сказать об этой выставке «модерн-изо»?
— По-моему, это изофрения...

⁂

— Леня, а чего вы с ним поцапались?
— Да из-за одной фразы. Понимаешь, эта острóта была у него в рассказе. Потом он ее вставил в свою пьесу. Теперь сует в сценарий.
— Она слабая?
— Да нет, вполне. Но даже очень хорошая острота должна быть, как шприц: одноразового пользования.

⁂

— Леня, ты закончил рукопись?
— Да... Но финальная фраза не получилась.
— Не огорчайся.
— А я и не огорчаюсь. В конце концов даже у Бога что-то получилось лучше, что-то хуже, а что-то вообще не получилось. Например, человек...

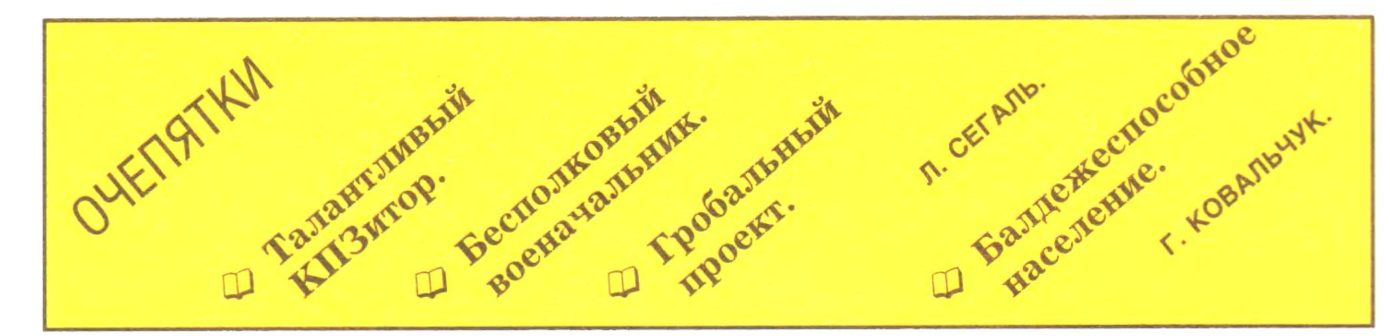
⁂

— Леня, я к тебе обращаюсь от имени Литфонда: пригвозди в печати одного начальника.
— Основания?
— Назначил нам прием, продержал почти час в коридоре и вдруг уехал... Даже не извинился...
— Большой начальник?
— Да нет, совсем маленький.
— Ясно. У больших начальников — большие амбиции, у маленьких — гигантские...

⁂

— Леня, ты клятвопреступник или клятвоотступник?
— И то и другое. А как ты меня вычислил?
— Ты поклялся больше не писать фельетонов. И вдруг вчера в «Известиях» — пожалуйста, фельетон Лиходеева.
— Да, нехорошо получилось. Но тут, как видно, ничего не поделаешь. Я пожизненный каторжник фельетона.

Яков КОСТЮКОВСКИЙ.



Смех Сквозь Столетия

БОГА И ВАХМИСТРА НЕ ПРОВЕДЕШЬ

В конце прошлого века газета «Южная Россия» сообщила о краже, случившейся в кавалерийском полку, расквартированном в Новогеоргиевске. Из полкового денежного ящика исчезла немалая сумма — 43 тыс. рублей. Подозреваемых оказалось 28 — именно столько нижних чинов отстояло на часах у денежного ящика со времени последней проверки. По предложению вахмистра был проведен следственный эксперимент.

Вахмистр поместил в темной комнате икону, намазанную толстым слоем сажи. Далее он впускал по одному в эту комнату подозреваемых, каждому приказывал побожиться в невиновности и в знак чистосердечия поцеловать икону. У одного солдатика после клятвы губы оказались чистыми, без малейших следов сажи. Арестованный тут же сознался и рассказал, как они вместе с разводящим вскрыли полковой денежный ящик.

ПАСПОРТ — ТОЛЬКО БЛАГОНАДЕЖНЫМ

В 1895 г. газета «Баку» опубликовала заметку из Владикавказа. Корреспондент писал о том, что у местных сельских жителей (преимущественно ингушей и чеченцев) недавно перестала действовать паспортная система, подобная которой вряд ли где еще существовала в России. Заключалась она в следующем. «Туземец», имевший надобность в паспорте для отлучки из пределов Терской области, сначала должен был обратиться к сельскому сходу, чтобы тот особым общественным приговором удостоверил нравственную благонадежность просителя. Затем требовалось получить согласие горского суда и начальника участка, после чего паспорт выдавался. Нынче, сообщает газета, процедура значительно упростилась. Теперь селянину достаточно ходатайствовать лишь перед сельским старшиной и писарем. Правда, с приложением взятки.

НЕ ОСТАВЬ МЕНЯ, ДРУГ ПРИСТАВ!

Газета «Уралец» столетней давности воспроизводит рапорт одного из сельских сотских становому приставу Новоузенского уезда Самарской губернии. С исправленными грамматическими ошибками он выглядит так: «Прописываю Вашему благородию, что в нашем селе против Петрухи Макарова двора образовалось мертвое тело от неизвестных причин опьянения. Лежит мертвое тело, лежит и не дышит. А отчего не дышит, определить невозможно.

Прошу тебя не оставить меня, сотского. Петр Селезнев».

Илья РАБОВЕР.

РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО «ЛУГОВКИНЪ и К°»

Сбегай, купи „Смекты," от твоей бабки живот болит!

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Дочернее предприятие объявляет о своем преобразовании в матерное.

•

Фирма «Экстра-секс» обеспечит секс по телефону, факсу и пейджеру.

•

Опытный рецидивист обучает резьбе по горлу.

•

Коммерческая колокольня за небольшую предоплату наряду с малиновым звоном исполнит для вас клубничный, вишневый или ананасовый с папайей.

Денис АНУРОВ.

Raffaello

ми-и-итон...

CROSNA

Стиральный полуавтомат «Вятка» работает намного чище автомата Калашникова. Покупайте, не пожалеете!

•

Российско-французское СП «Пляс-педаль» дешево и быстро заменит бенц у вашего «мерседеса»!

Георгий КОНН.

ДУМА ДУМАЕТ...

Из парламентских стенограмм

В. В. ЖИРИНОВСКИЙ. ...Я бы хотел, чтобы было принято постановление, в котором был бы поставлен вопрос о привлечении к ответственности лиц, причастных к подготовке проекта беловежских соглашений. Они являются депутатами нынешнего парламента. Бурбулис, где он? Нет в зале — уже боится, уже ушел. Он знал, что я уже пришел сюда с наручниками. Вот что ждет его, Бурбулиса! *(Оживление в зале.)* Они на Россию надели наручники, мы наденем их на вдохновителя этого беловежского соглашения! Депутат Шахрай здесь — можно арестовать прямо в зале, здесь, на заседании Государственной Думы. Депутат Козырев — нет. Депутат Гайдар уже сбежал — он уже не депутат. Вот четверо — эти люди все организовали...

В. А. БРЫНЦАЛОВ, **депутат Госдумы, не состоящий в депутатском объединении.** Уважаемый господин Сагалаев, уважаемый господин Благоволин! Вы здесь нарисовали картину, что вы четко, объективно освещаете работу Государственной Думы и депутатов. 20 марта я как кандидат на пост Президента Российской Федерации сдал подписи, 1352 тысячи подписей. Получил документ на руки. Заплатил средствам массовой информации за то, чтобы этот факт осветили. Дали команду — Сагалаев или Благоволин — не выпускать меня на экран. Бедные журналисты возвратили деньги, столь нужные для их семей. *(Смех в зале.)* Ответьте мне на такие вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

Э. М. САГАЛАЕВ, **председатель Всероссийской Государственной телевизионной и радиовещательной компании.** Дело в том, что они не поделились с руководством, поэтому... *(Смех в зале. Аплодисменты.)*

Е. В. МАКСИМОВ, **фракция Коммунистической партии Российской Федерации.** Уважаемые Благоволин и Сагалаев! Вопрос моих избирателей из смоленской глубинки: вас не мучает мысль, что когда-нибудь вам придется отвечать перед народом за информационную необъективность и однобокость ваших ведомств, в том числе и в освещении работы Думы?

Э. М. САГАЛАЕВ. Вообще, такие трудные вопросы... *(Оживление в зале.)* Нет, меня такая мысль не мучает, потому что я перед народом стою каждый день на улицах, и не только Москвы, но и других городов России, где я довольно регулярно бываю. Ко мне люди подходят, они узнают меня, потому что знают по экрану. Я не ощущаю опасности, что те люди, которые смотрят телевизор, когда-нибудь захотят повесить меня на каком-нибудь фонаре.

С. Н. ЮШЕНКОВ. В связи с тем, что Государственная Дума не захотела включить поправку, связанную с тем, чтобы наш союз **(имеется в виду Договор об образовании Сообщества между Республикой Беларусь и РФ.**— *Ред.*) способствовал утверждению прав и свобод человека и граждан согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также в связи с тем, что Государственная Дума...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *(Г. Н. Селезнев)*. Сергей Николаевич, это уже заявление. Выключите микрофон.

С. Н. ЮШЕНКОВ. Нет. Я хочу обратиться... *(Микрофон отключен.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Это заявление. Голосуется третья поправка депутата Юшенкова. **(Касается утверждения прав и свобод человека в рамках Сообщества.**— *Ред.*)

ИЗ ЗАЛА *(Выкрик Юшенкова)*. Дайте слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вы делаете заявление... Хорошо, тогда будьте конкретны.

ИЗ ЗАЛА *(Выкрик Юшенкова)*. Я и так конкретен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Какая у вас преамбула на три минуты? *(Шум в зале.)* Пожалуйста, Юшенкову микрофон включите. Вот и все, а не «что такое».

С. Н. ЮШЕНКОВ. Подождите, диктатуру вы еще скоро установите...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Сергей Николаевич!.. Отключите микрофон. *(Шум в зале.)* Успокойтесь...

Наш парламентский корр.

Соловьев-Седой, который не влезает в кроссворды

Только-только закончилась Олимпиада в Риме, а мы уже написали о ней пьесу «Олимпийские звезды». Тогдашний главный режиссер Ленинградской музкомедии Юлий Хмельницкий рискнул познакомить с нею самого Соловьева-Седого. «Я знаю, что Вася недавно был в Риме,— сказал он,— к тому же любит спорт и начинающих авторов».

Восторгу нашему не было предела! Подумать только: музыку к нашей пьесе будет писать живой классик! Автор знаменитых песен, которые пела вся страна, лауреат, депутат — все это повергало нас в благоговейный трепет.

Фонтанка, сто тридцать шесть... Теперь на этом доме мемориальная доска, и, проходя мимо, мы каждый раз вспоминаем нашу первую встречу.

Василий Павлович восседал в высоком кресле за массивным письменным столом, а напротив, на низенькой тахте, сидели начинающие драматурги. Раскрыв лежавший рядом с нашей пьесой журнал «Огонек», он неожиданно спросил: «Стихийное бедствие из шести букв?»,— «Ураган»,— робко подсказали мы. «Подходит,— сказал композитор.— А остров в Средиземном море из пяти?»... Через полчаса общими усилиями кроссворд был решен. И как-то незаметно исчезло напряжение, мы перестали ощущать значительную разницу в возрасте и еще более значительную — в общественном положении. Потом без всяких предисловий, Василий Павлович сел за рояль и стал что-то играть. Это «что-то» оказалось первой арией нашего героя... Тогда затея с кроссвордом показалась нам причудой знаменитого человека, но теперь-то мы понимаем, что это была педагогическая мудрость.

А дальше началась работа. Мы поехали вместе в Репино, в Дом творчества композиторов. Совсем рядом, в поселке Комарово, у Соловьева-Седого была дача, но он не любил работать там: многочисленные экскурсии из соседних домов отдыха считали своим долгом петь под его забором знаменитые «Подмосковные вечера».

В Репино мы жили в двухэтажном коттедже. Василий Павлович — внизу (там был рояль), а мы вдвоем — наверху. Когда возникала необходимость поправить что-нибудь в тексте, он стучал по батарее, и мы стрелой летели вниз. Такой же сигнал, только более длительный, Соловьев-Седой подавал нам, когда заканчивал очередной музыкальный номер. Тут уж мы неслись пулей. Бывали дни, когда батарея молчала. «Идемте гулять!» — мрачно говорил он, и было ясно, что у него что-то не ладится. Мы шли вдоль Финского залива, впереди мэтр, заложив руки за спину, а сзади молодые соавторы — как телохранители. И вдруг композитор замедлял шаг, начинал что-то напевать. Прогулка быстро заканчивалась. Не снимая плаща, Василий Павлович садился к роялю, а мы, боясь вспугнуть вдохновение, на цыпочках поднимались наверх и ждали сигнала батареи...

На премьере оперетты мы были на седьмом небе от счастья! Но умудренный опытом Соловьев-Седой спустил нас на землю: «Не торопитесь, подождите два-три спектакля, когда схлынут ваши родственники и мои знакомые и придет рядовой зритель — не по контрамаркам, а по билетам!» Он оказался прав. Даже его прекрасная музыка не смогла прикрыть многочисленные бреши в нашей пьесе. Кроме Ленинграда, «Олимпийские звезды» поставил только Волгоград. Мы приуныли, а Василий Павлович шутил: «Кажется, есть надежда, что эту пьесу будут ставить города-герои — они и не такое выдерживали!»

Приходила мысль, что наша творческая дружба на этом и закончится, но, видно, Василий Павлович все же поверил в нас...

Спустя несколько лет мы снова поехали вместе в Репино. «Восемнадцать лет» — так называлась наша новая оперетта. Она имела не только премьерный, но и последующий успех: ее поставили более 40 театров!

Однажды мы посетили с Соловьевым-Седым премьеру «Восемнадцати лет» в одном приволжском городе. Предполагая, что и там его ждут ненавистные ему торжественные встречи с рукопожатиями, объятиями и вспышками фотокамер, он купил на одном из полустанков два огромных арбуза и вышел с ними на перрон. Ни обнимать, ни целовать, ни тем более фотографировать его для местных газет было в таком виде невозможно: вместе с Василием Павловичем в кадр попали бы и арбузы, а это означало бы, что в данном городе плохо с арбузами!.. А Василий Павлович, посмеиваясь, не выпускал их из рук до самой гостиницы.

А вот еще ипостаси Соловьева-Седого: книголюб, страстный рыболов и грибник, азартный бильярдист и, конечно, щедро одаренный словотворец! Нам кажется, не будь он композитором, непременно стал бы поэтом. По крайней мере некоторые тексты его песен сочинены им самим, а в создании других его помощь была неоценимой. Он тонко чувствовал слово, его остроумные экспромты и каламбуры на памяти у многих.

Об одном плодовитом писателе Василий Павлович шутя заметил: «Гвардия умирает, но издается». Об одном драматурге высказался так: «У него хорошие банкетные данные».

Однажды, когда мы работали с ним в репинском Доме творчества, появился пожилой лейтенант и стал упрашивать Василия Павловича выступить у них в воинской части. Прощаясь с ним, Соловьев-Седой вдруг спросил:

— А сколько вам лет?

— Сорок пять.

— И до сих пор лейтенант?

— Фамилия у меня для карьеры неподходящая — Пончик.

— Не падайте духом! — улыбнулся композитор.— Я знаю человека, который с не менее «съестной» фамилией дослужился до маршала.

— Кто?! — удивился лейтенант.

— Гречко.

Как-то Соловьев-Седой приехал в Севастополь, где в ту пору снимался фильм с его музыкой. Вечером в гостиничном номере появился помятый, небритый моряк, один из его давних знакомых: «Вася, ты должен меня спасти! Я тут на «губу» угодил... Выпустили под честное слово, что привезу тебя на корабль... Идем, там все уже ждут... Обещали досрочно освободить!..»

Василий Павлович бросился спасать арестанта. Они вместе появились на корабле, где ему, знаменитому композитору, были оказаны воинские почести: на палубе выстроилась команда, офицеры взяли под козырек... Расчувствовавшийся друг хлопнул его по плечу: «Ну, Вася, вовек тебе этого не забуду!» И тут же услышал голос капитана: «За фамильярное обращение с депутатом Верховного Совета — двадцать суток ареста!» К счастью, это была всего лишь шутка.

Как-то в Москве в коридоре Министерства культуры Василий Павлович и мы встретили композитора Вано Мурадели. Они были давними друзьями и при встречах всегда подтрунивали друг над другом.

— А ты не композитор, Вано! — вдруг сказал Василий Павлович.

— Как это не композитор?! — возмутился Вано Ильич.

— А вот так! Как твоя фамилия? Му-ра-де-ли! Все у тебя мимо нот — вместо «ми» — му, вместо «ре» — ра, вместо «до» — де, вместо «ля» — ли!..

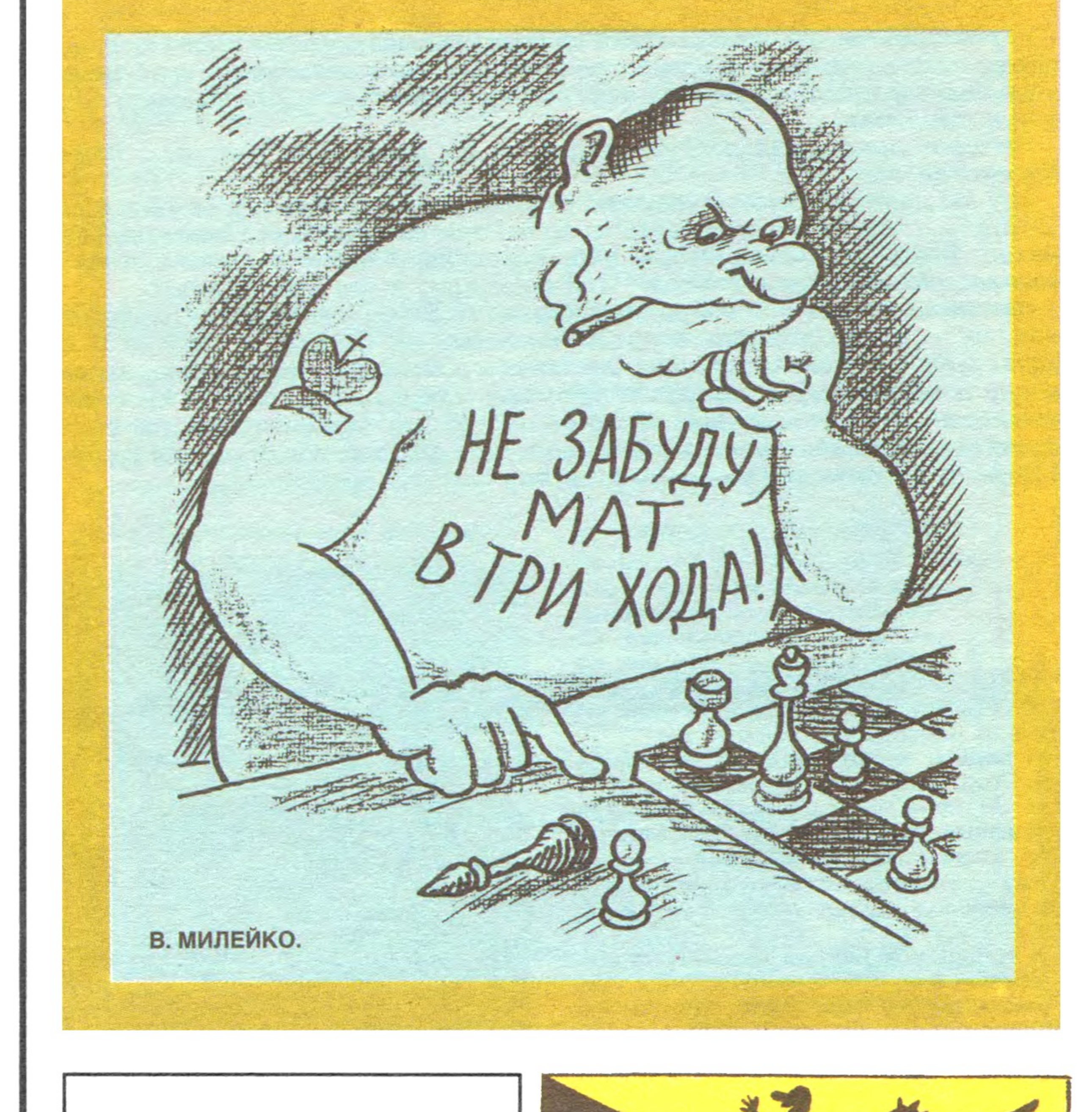
Своего аранжировщика Виктора Кнушевицкого Василий Павлович называл (и не без оснований) Литр Пушневицкий. Для обоих любимым кличем было: «Вперед, на запах!» — это о ресторане. Кстати, именно этот Кнушевицкий записал в полном виде «Подмосковные вечера» — Соловьев-Седой напел ему мелодию по телефону...

Юмор, жизнерадостность он ценил в людях больше всего. Последний раз мы виделись в Комарово, когда Василий Павлович был уже тяжело болен. Его жена, Татьяна Давыдовна, предупредила нас: «Ни слова о болезни — только веселое, только смешное!»

Мы много смеялись в тот вечер, и, если честно, заводилой был сам больной. А в конце решали традиционный кроссворд, в котором по воле случая попался и такой вопрос: «Известный композитор, первая буква «С». «Увы, это не я! — пошутил Василий Павлович.— Моя фамилия в кроссворды не влезает: двойная, да еще с тире. Знал бы — остался при своей фамилии Соловьев... Попал бы в кроссворды, стал бы знаменитым!»

Мы захохотали, но смех наш заглушил многоголосый хор: очередная экскурсия пела у забора «Подмосковные вечера»...

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР.



В. МИЛЕЙКО.



Справочное бюро

— Какой любимый вид спорта у «новых русских»?

— Бег в денежных мешках.

— Почему многие девушки стреляют глазками?

— Просто им пистолет не по карману.

— Правда ли, что для того, чтобы узнать человека, с ним следует пуд соли съесть?

— Лучше ему просто насолить.

— Дешевеет ли хоть что-нибудь в нашей стране?

— Конечно. Авторитет руководства!

— Что делать, если тебе изменяет мужское достоинство?

— Ну, это смотря с кем...

— Что общего между спортом и сексом?

— И в том и в другом главное — участие.

Дежурный по бюро Евг. ТАРАСОВ.



Трусцой на Парнас!

Третий конкурсный (см. № 5 и № 6) забег к поэтической вершине выявляет все новые и новые читательские таланты. В почте попадаются такие злободневные и смешные четверостишия, что у судейской коллегии сложилось мнение: размеренная трусца подчас переходит в шуструю рысцу. Неплохо! Прибавляем, значит, темп. Догоняйте! ПРИЗОВОЙ ФОНД ЖДЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

Не забудьте написать на своих открытках: «ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!»

Фраера и фракции,
Киллеры и акции...
Новорусская игра.
Старорусское «Ура»?!

*

Повергнув всю округу в шок,
Отгрохал терем.
А золоченый петушок
Не клюнет в темя?!

О. ТЕМУШКИН,
г. Калининград.

У женщин все о'кей!

Со страною — все в порядке,
Миновала нас беда:
Коль в достатке есть прокладки,
Остальное — ерунда!

В. СЕМЕНОВ,
г. Осташков.

Пенсионерский возраст крут!
Мне за заслуги дали орден...
А дамы, если и дают,
То исключительно по морде!

В. НИКИФОРОВ,
г. Пенза.

Тетя Маня на обед
Съела пачку «Китекет»
И мурлычет дяде Грише:
«Не пройтись ли нам по крыше?»

А. ГИСМУТДИНОВА,
Татарстан.

Секс-минутка



В. НЕНАШЕВ, г. Выборг.

А. ШОРИН, г. Новосибирск.





Н. ЕЛИН.

Пользуясь случаем, поздравляем своего старого друга Николая Львовича Елина с семидесятипятилетием!

В. ЛУГОВКИН.

ТОТ САМЫЙ КУРАВЛЕВ

«Крокодил» за три четверти века привык открывать новые имена на радость своим читателям. Иные из этих открытий, впервые появившись на страницах журнала, украшали потом страницы родной словесности, становились ее славой и гордостью...

Сегодня, продолжая добрую традицию, мы открываем для вас... Леонида Куравлева.

«Ну вы даете, ребята! — воскликнет удивленный, скорее даже негодующий читатель.— Что же его открывать-то, если Леня, он же Афоня, Пашка Колокольников, Шура Балаганов, Жорж Милославский, Айсман и прочая, и прочая всенародно известен и любим?! Или с памятью у вас заколодило?»

Нет, не заколодило. И сыгранные Леонидом Вячеславовичем роли известны нам, их — около двухсот. А вот сочиненный им рассказ — первый и пока единственный. И оказался он не где-нибудь, а именно в «Крокодиле», который давно и верно любим народным артистом. Так что, как говорят культурные конферансье и телеведущие:«Встречайте!» А мы надеемся, что эта встреча будет не просто неожиданной, но и радостной для вас, ибо откроет в любимом актере нечто прежде нам (а может, и ему самому) неведомое.

ОДИНОКИЙ СЫСОЕВ

Леонид КУРАВЛЕВ

Рассказ

Егора Сысоева отличает крайняя беспечность. Потому что он, поутру раззявя глаза, досадно не ведает, чем ему потешить свои желания и удалую силушку, томящуюся под кожей его тела от невостребованности.

А ведь и щепоти недель не прошло, как Егор, растягивая в постели залежалые за ночь члены, рыком «Люська!» призывал под свое покровительство уже хлопотавшую на кухне «кикиморочку», «бриллиантовую», «малинку», «черепашку» и так далее в этом же роде.

А теперь вот Люськи нет — и не востребуешь под горячую от жажды приласкать руку... Деру дала Люська! Ее, случись, приманил Илья Дермантинов, юркий добытчик, свихнувшийся на накоплении первоначального капитала. И сейчас, слышал Егор, эта «сладкая парочка» целыми днями сидит себе в палатке, точно в окопе, торгуя в основном заморским дымом «Мальборо» и алкогольной жижей, на которую, по слухам, клюет разве что загодя отпевший себя и поставивший на себе крест безоглядный бедолага.

«Ну да ладно, пусть... лишь бы ее не оставляли разные развлекательные приятности и не заваливали бы в печаль заботы»,— впадая ненароком во всепрощенчество Христа, думает Сысоев, вылезая из-под одеяла наружу — с ленцой, вразвалочку: ведь спешить некуда, ибо беда, как известно, в одиночку не грянет, а норовит увлечь за собою еще свору падких на злобу подруг,— и та, последовавшая за побегом неверной Люськи, была не из робкого десятка, под стать первой: Сысоева выкинули с завода!

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что со ставшего Сысоеву родным предприятия (он втайне от мирового сообщества выпускал какие-то там военные булыжники страшной разрушительной силы) шуганули львиную долю трудоспособного люда. И это в общем-то по нынешним временам не ахти уж какое событие было, понятно, платой уволенных за роскошь проживания на необъятных просторах великой державы, в коей и мы с вами имеем честь наблюдать нашу донельзя бурную действительность.

«Железо с плеч сгружают... с Америкой столковались... А там, поди, тоже нашего брата с рабочих мест турят»,— не раз сознательно мыслил про себя Сысоев и, оказавшись за воротами завода, на первые три дня непрошенной вольницы бросил свою плоть на растерзание «Столичной»...

И вот уже подступает полдень, а Сысоев только-только намылился на утреннюю чистку перьев. Ну а затем — улица.

Вышел он из своей угрюмой клети, не озаботясь, впрочем, твердым намерением, куда и зачем. Хотя скорее всего вышел отдать магазину кучку денег. В обмен на сало. Потому как вокруг сала у Сысоева теперь с утра до вечера вращается вся его уже холостяцкая гастрономическая потребность.

«Ловко изобрел! — соображает, вышагивая по исполосованному трещинами и пышущему жаром асфальту, Сысоев.— И вкусно, и бесхлопотно. Оттяпал от шмата кус под ломоть черного хлеба — и строчи челюстями на крепкое здоровье».

А может, не только за салом и хлебом вышел Сысоев из дома? Может, двинул он еще и за прокладкой?

Дело в том, что у него на кухне вот уже полмесяца как кран забаловал — круглые сутки, как простуженный, соплится. Каплет и каплет. По нервам хлещет. «Хоть с квартиры съезжай»,— все чаще на дню, по мере убывания в себе терпения, думает Сысоев.

И вот, значит, вышел он на улицу. А на улице — чисто парилка: солнце, изливая на землю излишки своего тепла, увлеченно репетирует «парниковый эффект». Но Сысоеву вроде плевать на пагубные старания светила, он не донимает себя озабоченностью среди прилипчивой жары отыскать прохладное укрытие, а только идет себе и в ус не дует. И примечает: улица эта забита прямо-таки ордою многолюдья, которое до ряби в глазах бесновато снует туда-сюда.

«Никак праздник какой,— подумал Сысоев.— Только вот почему-то флагов не полощется, музыка не гремит... И одежда на всех без прикрас... А что касательно дня рождения Люськи, то он у нее послезавтра. Стало быть, праздника не получается... Тогда в чем же дело?»

Меж тем перед Сысоевым уже некоторое время маячит спина, которую довольно резво несут ноги. То и другое единит синий костюм средних приличий и размеров, голову пешехода венчает соломенная шляпа.

— Эй, товарищ! — окликнул пешехода Сысоев.

Пешеход послушно остепенился в ходьбе и разворотился к подозвавшему его Сысоеву.

— Здрасьте,— с ходу поприветствовала его шляпа и с доверчивой любознательностью в голосе спросила: — Вам что?

Сысоев спешно, чтоб вышло повежливее, подошел к шляпе и, оказавшись с ней рядом, невольно поразился изможденности ее вида.

«Кожгалантерея лица,— подумал,— вроде бы не по летам уж больно поизносившаяся; не угождал, видно, порядкам жизни — вот и месть ему за это. А так физиономия приветливая, без недоброжелательной гнуси в ней».

— Здрасьте! — громче, чем того требовала нужда, ответил Сысоев.— Скажите, вас не удивляет столпотворительное скопище народу вокруг? Посмотрите, как кишит. Может, думаю, праздник какой и вот по случаю такое?

— Не удивляет, нет,— пожала плечами шляпа.

— Так что — праздник?

— Да нет как будто... праздношатающихся вдоволь, это точно... А может, щедроты солнца виноваты.

— Да уж... это налицо,— вздохнул Сысоев.

— А я так думаю,— словоохотливо продолжала шляпа,— хорошая погода в известном смысле— тоже праздник.

— Так, видно,— вяло признал Сысоев.— Только я-то, так сказать... в бессрочном празднике.

— Как это? — не поняла шляпа.

— Да вот так. Безработный я.

— А-а, вон что...

— Да. Ну а вы-то сами,— заторопился произнести слова Сысоев,— тоже вне трудов праведных? Тоже из праздношатающихся?

— Вот уж я — нет! Я, слава Богу, вкалываю. На заводе «Красный факел».

— Ха! — обрадовался Сысоев.— Я тоже оттуда. В каком цехе?

— В пятом.

— А я во втором был. Что производите?

— Ну, раньше мы со «свиньями» работали.

— С ракетами, значит.— В глазах Сысоева зарезвились озорные лукавинки понимания, что к чему.

— Точно,— подтвердила шляпа.— Хитроумнейшая получалась вещица, однако. И работали красиво... в халатах, как хирурги, да еще под неусыпным оком роты наблюдателей — и каждый, заметьте, в лампасах, не ниже... Ну а сейчас... сейчас, конечно,— шляпа криво усмехнулась,— унитазы лудим.

— На выживание, значит, навострились,— посочувствовал Сысоев.

— А как же. Между прочим, от заказчика отбоя нет!

— Да ну?

— Точно. Во-первых, изделие, сами понимаете, расхожее. Без этого изделия человеку, хоть чуть-чуть внимательному к своим мелким потребностям, сущая погибель; во-вторых, изделие в замечательном исполнении; любо-дорого! На многие удивительнейшие удобства налажено. Это, как сами разумеете, в ответ на тиранию рынка, его законы, главный из которых: позорно измажь соперника — сам же торжествуй без единого пятнышка на белой рубашке!

— И что же вы там у себя с этим изделием намудрили? — полюбопытствовал Сысоев.

Шляпа с готовностью отвечала:

— Наши умельцы вмонтировали в него что-то вроде пульта с множеством кнопок. И именно этот механизм призван угождать самым разным потребам, в зависимости от сиюминутной озабоченности. Вот, скажем, ваше сознание пытливо забродило насчет смысла жизни. Естественно, вы не находите себе места, душа корчится в муках черной меланхолии, и мысль о самоубийстве становится ближе отца родного. В какой-то момент, невольно понуждаемые накрыть изделие, вы заодно нажимаете, скажем, музыкальную кнопку. И сейчас же погружаетесь в мир божественных звуков какого-нибудь Дебюсси, душа сбрасывает чугунную тяжесть разрушительных раздумий о бренности всего подлунного и воспаряет в светлые пределы легкомысленной радости.

— Замечательно! Ну а если скрипки и гобои не убивают желания свести счеты с жизнью? — сдотошничал Сысоев.

— Тогда пожалуйте послушать лекцию о наивности столь непрактичного шага, стоит только нажать на нужную кнопку. Кстати, лекций по интересам запрограммировано великое множество.

— Любопытно.

— Будьте любезны! Например, экономист Неваляшкин читает лекцию «Как выжить в условиях хронического неналичия наличности» или, скажем, академик Ян Шурупский: «Стул как предмет усидчивости в истории открытия географических пространств».

— Интересно...— все более втягивался в разговор Сысоев.

— И внешний вид изделия — на любой вкус! — распалялся собеседник в шляпе, и пот хлынул из-под соломы на его узкое лицо.— Расписывается пейзажами, натюрмортами, мудреными письменами... А тут на днях приходит один деятель и выражает такую причуду: «Напишите-ка, говорит, на внутренностях изделия лозунги такой-то мною презираемой партии с портретом ее вождя».

— Господи! — изумился Сысоев.— И там политика!

— А куда ж от нее сбежишь, от политики-то? Кстати, наш начальник цеха, круглый умница, так и говорит: «Нынче,— говорит,— даже солнечный луч заполитизирован».

— Ну а я,— подхватил словопоток шляпы Сысоев, попутно подумавши, что было бы неплохо такого вот занятного чудака привлечь себе в товарищи,— я в своем втором, оптическом, мастеровал. И тоже под наблюдением, и тоже в халате. И даже в маске. Так вот наша команда совершенствовала заковыристый прибор. Представляете, с его помощью из космоса можно заметить самую мелкую неполадку. Например, у вышедшего на прогулку Президента развязавшийся на ботинке шнурок.

— Стоп! — вдруг вскричала шляпа.— В каком ухе звенит?!

Сысоев опешил, как если бы сейчас ему на голову упал ком снега.

— Закройте рот... и не гоните с ответом; думайте... крепко думайте. Я погожу.

Приходя в себя, Сысоев потянул время, превратившееся от этого в значительное, исторически важное, чтобы тем самым намекнуть шляпе, что он в затеянную им игру входит вполне серьезно, и в конце концов сказал:

— В левом.

...Лучше бы он ничего не говорил. Или сбежал бы с места. Или сквозь землю провалился, что ли. Короче — глаза у шляпы невероятно расширились и, готовые выплеснуться из орбит, закипели лютой ненавистью, а лицо приняло ожесточенно-воинственное выражение.

Сысоев несколько струхнул.

— Та-ак, Шура.

— Я не Шура,— возразил Сысоев.

— Это я — Шура,— сказала шляпа. И повторила: — Та-ак, Шура.

«Сумасшедший,— догадался Сысоев; и еще в мозгу молнией чиркнуло: — Он же мне сейчас больно нанесет вред».

— Вы это бросьте,— на всякий случай и почему-то шепотом сказал Сысоев.— Не смейте.

— Так я, по-вашему, урод? — по-змеиному зашипел Шура.— У меня что — одно ухо? Одно? Другого не видать?

— Вы спросили — я ответил,— бледнея, пролепетал Сысоев.

— А может, вы глухой? А? — ярясь, спросил Шура.

— Да нет вроде,— плохо соображая, как нашкодивший школьник, стал оправдываться Сысоев.— слышу... слышу даже просьбу комара крови попить.

— Ага? Тогда вы должны были бы услышать звон в правом ухе. Именно в пра-а-вом!

— Господи, я не мастер по перезвонам в чужих ушах. И поймите: звон в ушах слышит только тот, кто его производит. Это дело сугубо частное. Интимное, если хотите. А я всего лишь не угадал.

— Не-ет, не «всего лишь». Это вы якобы не угадали.— Тут Шура, видимо, выпустив излишки пара, стал сникать.— Да, всюду зависть, вездесущая зависть! Это все она, она, сволочь, обильно творит свои коварные пакости, мутит человеческое море.

— Да какая зависть, окститесь.— запротестовал Сысоев.

— Уж точно так, я знаю,— убежденно произнес Шура.— А я вот суеверно загадал...

— На что?

— На выигрыш, на что же еще. И укажи вы на ухо правое — я в дамках. То есть на коне. Как Юрий Долгорукий. Шесть чисел мои и под них — почти два миллиарда! Это-то хоть вы слышите? Три миллиарда! А то и все четыре! Соображаете, какие блага от этакой-то прорвы денег! Как говорится, любой соблазн — уже не соблазн, а пришел и взял! А теперь вот, по вашей милости, мне ничего не светит.— Тут Шура вздохнул глубоко и тяжко, и его морщинистое лицо совсем и безнадежно постарело.— И что только мне не чудилось... Положил жениться. Это перво-наперво. Думал, отколю-ка я себе длинноногую газель. С конкурса красоты. Пусть не первую — неважно: там ведь любая — сплошные витамины и чудеса утех. А уж в свадебное путешествие — на Канары, в хату по разряду «пять звезд». Как любимый коньячок. И вода... изобилие воды! И не только холодной — горячей тоже. И круглые сутки. Да. И круглые сутки — солнце! Реклама обещает. Врет, конечно, реклама, но зато какая фантазия... А пляжи. Эх, влипнуть бы всей своей особью в золотой горячий песок, а пятки при этом волнами ласково лижет могучий океан. Могучий, а лижет...— В этом месте монолога Шура плаксиво улыбнулся, а глазами часто-часто заморгал.— Купил бы квартиру в столице в дюжину окон. С кабинетом. Чтоб там всякие полезные мысли обдумывать. Обществу и дармоедам во благо... И машину забугорную под цвет спелой вишни...— И все же Шура пролился: его правый глаз смочила скупая слеза; левый глаз остался сухим.

— Вы уж так-то не убивайтесь...— начал было проникновенно увещевать Шуру Сысоев.

— Как не убиваться? Как не убиваться?! — опять стал заводиться Шура; глаза его сузились.— Поймите, мое время на исходе! Вы же отняли у меня последний шанс! Мне старость на пятки жмет! Если снять шляпу — там лысина!!

И вдруг Шура рывком вскинул обе руки, видимо, в безотчетном стремлении цапнуть Сысоева за грудки. Но Сысоев, будучи настороже, на какое-то мгновение его опередил — он своими ручищами перехватил запястья Шуриных рук, потом, быстро развернув забияку от себя и ловко заломив правую руку ему за спину, отчего Шура взвыл благим матом, не мешкая, пробил коленом по его тощему заду.

Бедный Шура, переломившись в пояснице и выставив руки вперед, широко вышагивая и громко шлепая по асфальту сандалиями, по ходу бодал воздух головой (шляпа с нее свалилась), но все же не упал, на ногах устоял. Выпрямившись и чуть задержавшись на месте, Шура затем медленным шагом подошел к головному убору, поднял его и с царственной торжественностью водрузил на свою действительно небогатую растительностью голову.

— Дурак! — бросил ему в лицо Сысоев и, развернувшись, затопал в сторону своего дома.

— Эй, вы! — окликнул его Шура.

Сысоев шагал, будто не слыша.

— Эй, глухая тетеря!.. Не воображайте, что у меня не все дома! Это я от жаркой погоды такой сегодня! А так я оптимист! Оптимист во что бы то ни стало!.. И хлебну еще свою ложку меда в этой дегтярной жизни!..

Сысоев свернул в переулок.

На душе у него было скверно; ноги затяжелели и как бы противились волочиться к дому, хотя никуда, кроме как домой, ему идти не хотелось.

Войдя в квартиру, он неторопливо прошел в тесную кухоньку и сел к столу, на котором вроссыпь валялись сухие крошки хлеба, стояли пепельница, полная стародавних окурков, и чашка: на дне чашки, в лужице холодного чая, среди чаинок, билось за свою копеечную жизнь мелкое насекомое.

Сысоев водрузил руки на столешницу, сцепивши их в пальцах, угрюмо, к самой груди поник головою. Со стороны могло показаться, что в нем дыбились треволнения, что он, собираясь с мыслями, приготовляется пойти на подвиг, призванный в корне изменить к лучшему его будущность. На самом же деле душа Сысоева была пуста, как выпотрошенная перед жаркой рыба,— в ней все подавляла въевшаяся и набиравшая силу отчаянная усталость. Так, застывши, Сысоев просидел долго, до тех пор, пока у него в чреве не протрубила труба; она сыграла протяжно и воинственно, но так фальшиво, что Сысоев, даже будучи в одиночестве, поморщившись, устыдился столь несуразно-пакостного звука. Тогда он встал, подошел к холодильнику, правда, наперед зная, что сала в его недрах все равно не отыщет, открыл дверцу. Действительно, кроме легкого морозца, ящик в себе ничего вразумительного не содержал. Захлопнул дверцу. Сысоев медленно отошел от холодильника и, остановившись, вперился в раковину. Ему было тошно опять видеть, как в ее впадине уродливо громоздились вавилоны грязной посуды, да к тому же из крана по-прежнему с каким-то наглым упрямством падали капли беспризорной воды: кап... кап... кап... С машинальной завороженностью Сысоев с минуту наблюдал это безобразие, затем, бросив скудное занятие, перешел к окну.

С высоты девятого этажа дома, взметнувшегося на холме, точно на пьедестале, он стал смотреть поверх крыш, сбившихся в беспорядочное нагромождение большого города. Взгляд его был устремлен на противоположный его край, где, как он знал, теперь жила его ненаглядная Люська.

А. СИВИЦКИЙ,
Ю. ТИМЯНСКИЙ

КАМУФЛЯЖ

В театре, в бане и на пляже
Хранят покой и тишину
Крутые люди в камуфляже —
Плечо к плечу, пятно к пятну.

Ах, камуфляж! Ах, камуфляж!
Защитник наш, спаситель наш!

Под камуфляжем
жизнь прекрасна,
Под ним приют найдет любой:
Здесь и коричневый, и красный,
Зеленый или голубой.

Все в камуфляже нам приятны,
Все в камуфляже нам друзья!

Он изначально весь запятнан,
И запятнать его нельзя.

Нам камуфляж всего дороже,
Он наша сила, наша власть.
Под камуфляжем каждый может
Что охраняет, то и красть.

Провалы, промахи, пропажи,
Любую нашу чушь и блажь
Прикрыть мы можем камуфляжем,
Вписавшись в рыночный пейзаж.

Ах, камуфляж! Ах, камуфляж!
Ты нас не выдашь, не продашь!

ЧЕРНУШКА



В. ФЕДОРОВ, г. Челябинск.



А. КУЗНЕЦОВ, г. Ишимбай.

А. ЛЕВИТИН, г. Самара.



— А вам все равно уж: можете и пить, и курить...

А. ВАСИЛЕНКО.

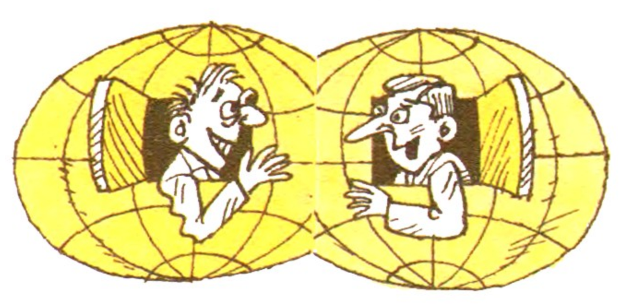
Ада КИТАГАВА*

ВЕСЕЛЫЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

- **БЛИЗЛЕЖАЩИЙ — муж.**
- **НАХЛЕБНИК — масло.**
- **СТОЛЯР — тамада.**
- **СУДАК — сплетник.**

г. Хиросаки, Япония.

* Имя и адрес подлинные. (*Ред.*)



Юрий БОРИН,
наш человек в Америке

ПОЦЕЛУЙ И КАТИСЬ!

Из всех ценностей мира рядовой американец выбирает прежде всего две — дом и автомобиль. Все прочее — по возможности. Вернее, по возможностям. Но два вышеозначенных вожделения — это как раз и есть та самая курица в супе, которую посулил каждому крестьянину за лояльность великий хитрец Генрих IV. Тогда, в XVII веке, королю Франции не удалось сдержать своего гуманитарного обещания. Нынешнему американскому капитализму вполне по силам обеспечить указанной насущностью любого американского гражданина — независимо от образования, цвета кожи и социальной принадлежности.

О собственном доме американец начинает думать чуть ли не с колыбели. Правда, никаких колыбелей в Америке не существует, не в честь и детские коляски. Родители носят своих отпрысков чаще всего под мышкой. Вероятно, мечта о комфорте как раз и возникает по причине неудобного горизонтального положения. Когда же малыш становится на собственные ноги, мечта принимает вполне определенную архитектурную форму: два этажа плюс бейзмент (нечто полуподвальное, где прачечная может соседствовать с тренажерным залом). Выше должны находиться три-четыре спальни, не менее трех совмещенных с ванными туалетов, гостиная, кухня-столовая, а также все необходимые подсобные помещения типа кладовок и гардеробных. Ну, а дальше уже дело техники. То ли джентльмен (леди) просто покупает готовый дом через агента по недвижимости, то ли строит новый по индивидуальному вкусу. Благо и для того, и для другого в Америке есть неограниченные возможности. И покупается, и строится дом, разумеется, в рассрочку на много лет. Американец не любит выкладывать деньги вперед и сразу. Даже если они у него есть. На этой нелюбви делают свой бизнес многочисленные банки, готовые незамедлительно предоставить кредит под определенный процент.

Итак, двухэтажный дом, причем не в центре, а на окраине — вот оптимальный вариант для уважающего себя американца, который не так чтобы уж очень богат, но и не слишком беден. Он принадлежит к среднему классу, возможно, не всегда укладывающемуся в теорию Маркса о классах и классовой борьбе, однако, составляющему большинство населения. «Середняк» — это и есть именно та твердая почва, на которой стоит уже много лет Америка.

Богачи — те да, они могут себе позволить потратиться на небоскреб в центре города. Как, допустим, Рокфеллер или Трамп, владеющие таковыми в Нью-Йорке на Пятой авеню, самой дорогой американской улице. Ну, а совсем бедные, точнее малоимущие — те тоже могут жить в небоскребе, снимая при помощи госдотации одно-, двух- или трехкомнатную квартиру.

Но курица в супе была бы слишком тощей, если бы дело ограничивалось только домом. Автомобиль — вот что делает бульон наваристым! Без автомобиля не было бы и самой Америки. Ибо Соединенные Штаты — это Великая Автомобильная Держава.

Приехав сюда, мы с женой были поражены отсутствием пешеходов. Мы шли по улице ОДНИ! Мимо нас все ехало, мчалось и летело. Когда мы переходили дорогу, бешеная лавина в испуге столбенела и какое-то время не могла прийти в себя от изумления. Но, дав нам перебраться на другой берег, через мгновение снова неслась куда-то вдаль. Потом мы купили машину, влились в нескончаемый автомобильный поток и перестали пугать простых американцев, садящихся за руль в 16 лет, а прощающихся с машиной перед похоронами. Мы частенько видели старушек-божьих одуванчиков, которые без так называемого вокера, похожего на «бегунок» российских младенцев, самостоятельно ходить не могут. Но едва они доползали до машины, как тут же включали газ и взлетали на орбиту автомобильного хайвея. Какой же американец не любит быстрой езды!

В Автомобильной Державе правят автомобильные короли. Именно они населили свою землю колоссальной массой сверкающего четырехколесного железа. Именно они обеспечили страну отличными трассами. Именно они привели к тому, что железные дороги захирели, а общественный транспорт во всех городах, кроме разве что Нью-Йорка и еще какого-нибудь Чикаго, влачит жалкое существование. Именно автокороли бьются насмерть против чужаков на своем автомобильном рынке. Увы, многие американцы откровенно предпочитают недорогие европейские и японские машины. Но американские автокороли в острой конкурентной борьбе спешат усовершенствовать свои модели. И удешевить их, что на руку тем же простым американцам.

Проходя по американской улице, поражаешься авторазнообразию. Чего тут только нет: хонды и бьюики, фольксвагены и тойоты, форды и шевроле, понтиаки и доджи, мерседесы, субару и еще десятка три различных марок. Нет только москвичей, жигулей и волг. Я по крайней мере не видел их ни разу. Что для россиянина обидно.

А сколько всяческих стоянок построено для означенного автотранспорта! Просто на улицах, возле магазинов, около станций метро... Есть стоянки долговременные, многоэтажные, есть кратковременные, над которыми маячит табличка «Kiss and ride», что в переводе значит «Поцелуй и катись». В том смысле, что долго не задерживайся, твое место нужно другому. И действительно, какая бы ни была просторная стоянка, она не пустует. Ибо американец без автомобиля — это все равно, что куриный суп без курицы.

Нет, все-таки французский монарх понимал толк в чаяниях простого народа!

г. Балтимор.

УЛЫБКИ КОВБОЙСКИХ ШИРОТ

После хорошей попойки ковбой проснулся и обнаружил рядом женщину, страшнее которой не видывал за всю свою жизнь:

— Ты кто такая, черт побери?!

— Не знаю, кто я сейчас, но всю ночь ты называл меня Софи Лорен.

На скачках большой приз достался никому не известной лошади. Журналисты с трудом отыскали в толпе ее владельца-ковбоя и засыпали его вопросами.

— Сколько лет вашему скакуну?

— Семь,— ответил ковбой.

— Почему же вы раньше не выставляли его на скачки?

— Не мог поймать.

— Удивляюсь я вам, Луиза Вы столько лет живете с Би лом и ни разу не ссорились

— Видите ли, в чем дел После венчания мы возвращ лись с Биллом на ранчо. Вдр одна из лошадей, впряженна в нашу повозку, споткнулас Билл сказал: «Раз». Когда л шадь споткнулась второй ра Билл сказал «Два». Лошад споткнулась трети раз, Билл сказал «Три», выхватил кольт и убил ее. «Билл, чт ты наделал,— закри чала я,— ты убил наш лучшую лошадь! «Раз»,— сказал Билл.

Салун на Диком Западе. Бармен жалуется Неуловимому Джо:

— Такое горе, вчера умер один из наших постоянных клиентов. Замечательный ковбой! Каждый день выпивал по тридцать кружек пива и два литра виски.

— А от чего он умер?

— Понятия не имею.

Прислала Н. ВИКТОРОВА, г. Любань.

В ресторанчике сидят два ковбоя.

— Видишь тех пятерых типов там, за столиком в углу? — говорит один.

— Ну, вижу.

— Вон того, высокого блондина?

— Они все высокие блондины.

— Я говорю о том, что в шляпе набекрень.

— У всех шляпы набекрень.

— Ну тот, который болтает без перерыва.

— Все болтают без перерыва.

Ковбой, потеряв терпение, выхватывает кольт и укладывает четверых из пяти.

— Теперь вижу. Ну и что?

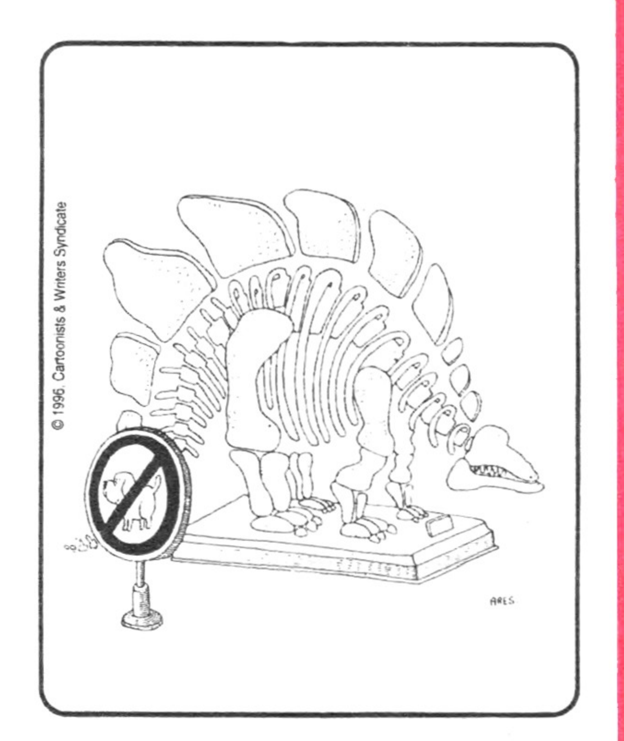
— Он ужасно действует мне на нервы...

КРОКОДИЛ
Журнал сатиры и юмора
№ 7 (2787)
июль 1996

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил».





МУДРОСТЬ ЧУДАКОВ

У одних семь пятниц на неделе, у других — сплошной выходной.

(Из наблюдений Р. Крузо.)

Не каждый способен взять себя в руки, не испачкав их.

(Французский гигиенист Эжен Совтар.)

Трус хохочет от души, только когда ему щекочут пятки.

(Из книги «Душа в пятках».)

Лучше кукиш в кармане, чем жизнь без штанов.

(Конголезский модельер Ж. Тара.)

Жизнь может загнать человека и в угол любовного треугольника.

(Геометрический трюизм.)

Рожденные ползать часто идут в птицеловы.

(Орнитологическая аксиома.)

Принял по факсу
Евг. ТАРАСОВ.

КРОКОСКОП

КТО ОНИ ТАКИЕ

РАК

Исследования последних лет утверждают, что много тысяч лет назад раки были высокоцивилизованными существами, жили в горах и имели свой язык (схожий со свистом). Зимовали они обычно где сами себе покажут, впадая в спячку и посасывая правую клешню. Однако деятельность человека нарушила их естественную эволюцию. Люди стали охотиться на раков, чтобы употреблять с пивом. Непьющие членистоногие от ужаса краснели, глаза их вылезали на лоб, бедолаги со свистом ссыпались с гор и хоронились под воду. Началась умственная и физическая деградация, был утрачен язык, но зато выросли длинные усы. Единственное утешение в их загубленной жизни — лакомиться конфетами «Раковые шейки».

Родившиеся под знаком Рака — в целом скромные, вежливые, интеллигентные люди, но они обычно несчастны в любви. Дело в том, что все другие знаки Зодиака предпочитают им Рыб. И только в отсутствие последних говорят: «На безрыбье и Рак Рыба!», обращая взгляды к нашим сегодняшним именинникам.



В. МИЛЕЙКО.

ПОМНЮ, КОГДА-ТО ПРОДАВАЛИСЬ РАКИ, МАЛЕНЬКИЕ ПО ТРИ РУБЛЯ, А БОЛЬШИЕ - ПО ПЯТЬ. НО ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ, НО ПО ПЯТЬ. А ПО ТРИ РУБЛЯ МАЛЕНЬКИЕ, НО ПО ТРИ РУБЛЯ.

свежие раки 1шт. - $3

А. КУЗНЕЦОВ.

РАКУШКА

— А теперь,— говорит учительница,— кто мне скажет, почему камбала такая плоская?

— Потому что с китом переспала! — выскакивает Вовочка.

— Вон из класса! А вы, дети, ответьте мне, почему у рака глаза выпученные?

Из-за приоткрытой двери Вовочка кричит:

— Потому что он все это видел!

Прислала В. КОТОВА,
г. Астрахань.

ТУТ У МЕНЯ РАК ЖИВЕТ. СЕЙЧАС ОН НА КУХНЮ УШЕЛ, ЕДЫ ПОИСКАТЬ

А. ВАСИЛЕНКО.

ИЮЛЬ

Все это сплетни, слухи, враки,
Плодящиеся, как грибы,
Что Раки ненадежны в драке,
В общенье с дамами грубы.

У них прекрасные манеры
И благородные сердца.
Они — лихие кавалеры,
Чему имеем мы примеры,
Коль любят — любят до конца.

Они — философы и воины,
И виртуозы ремесла.
Всегда возвышенны, достойны
Их взгляды, помыслы, дела.

Увы, июль непродуктивен
Для Раков более всего,
Поскольку Марс весьма активен,
А также спутники его.

А потому — вниманье, Раки!
С разбором заключайте браки
И, чтобы имидж свой сберечь,
Случайных опасайтесь встреч!

Они грозят вам разрушеньем
Того, что сделано вчера...
Возможны стычки и крушенья,
Шантаж, нечестная игра.

Тогда прервите на неделю
Все, что, казалось бы, горит,
И эта передышка в деле
Вас вновь удачей одарит.

Отбросьте мелкое, пустое
И веселитесь от души:
Второе, пятое, шестое
Для развлечений хороши.

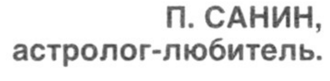
Но, теребя кифары струны
В пронизанной страстями мгле,
«Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле».

Любовь не внемлет звону злата,
Она всегда во всем права,
Внемлите голосу Булата:
Он заслужил на то права.

И снова чудное мгновенье
Укроет вас крылом своим...
Желаю Ракам вдохновенья
И радостей желаю им.

Пусть будет жизнь у них красива
И каждый день, и круглый год...
А что они не любят пива,
То кто их в этом упрекнет?!

П. САНИН,
астролог-любитель.



РАК МЕСЯЦА

Элем КЛИМОВ

По идее, как Рак я должен не выносить вида пива. А мне оно очень нравится, особенно то отечественное, которое начали варить в последнее время, — просто блеск! Даже подумываю вступить в Партию Любителей Пива (удерживает одно: боюсь, как бы меня, Рака, там не слопали на закуску).

От повадок Рака у меня вот что: иногда, в тактических целях, могу отступить, попятиться, чтобы потом — цап! — за руку какого-нибудь греку. Но это происходит довольно редко, если «греки» уж совсем допекут.

А если серьезно: знаете, отчего раков к пиву не видно? Перевелись. А почему? Правильно, из-за экологии. Они могут жить только в чистой воде. Я тоже терпеть не могу, когда мутят воду.

В связке «Лебедь, Рак и Щука» мог бы выступить в таком варианте: я и генерал Лебедь заодно, а из Щуки мы бы сделали «рыбу-фиш».

А вообще я бы снял кинокомедию, где главный герой — не человек, а рак. Это было бы очень смешно. Надоело все снимать про людей. Хоть к Згуриди в ученики подавайся! Впрочем, и у него, как и у меня, тоже наверняка денег нет на новое кино, даже про раков.

Художественный редактор Диана МАЗУР.

В оформлении номера участвовал В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и вступает в переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензируются. Рукописи меньше 2 авторских листов не возвращаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
фельетонов — 250-46-68, литературы — 250-16-63,
художественного — 250-09-70, распространения — 257-37-51,
рекламы —251-65-12. Приемная — 257-31-14. Факс 257-31-14.

Сдано в набор 20.05.96. Подписано к печати 28.05.96.
Формат бумаги 70 × 108 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 93 910 экз. Зак. № 520.
В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и массовой информации России.
Свидетельство № 01535.
Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

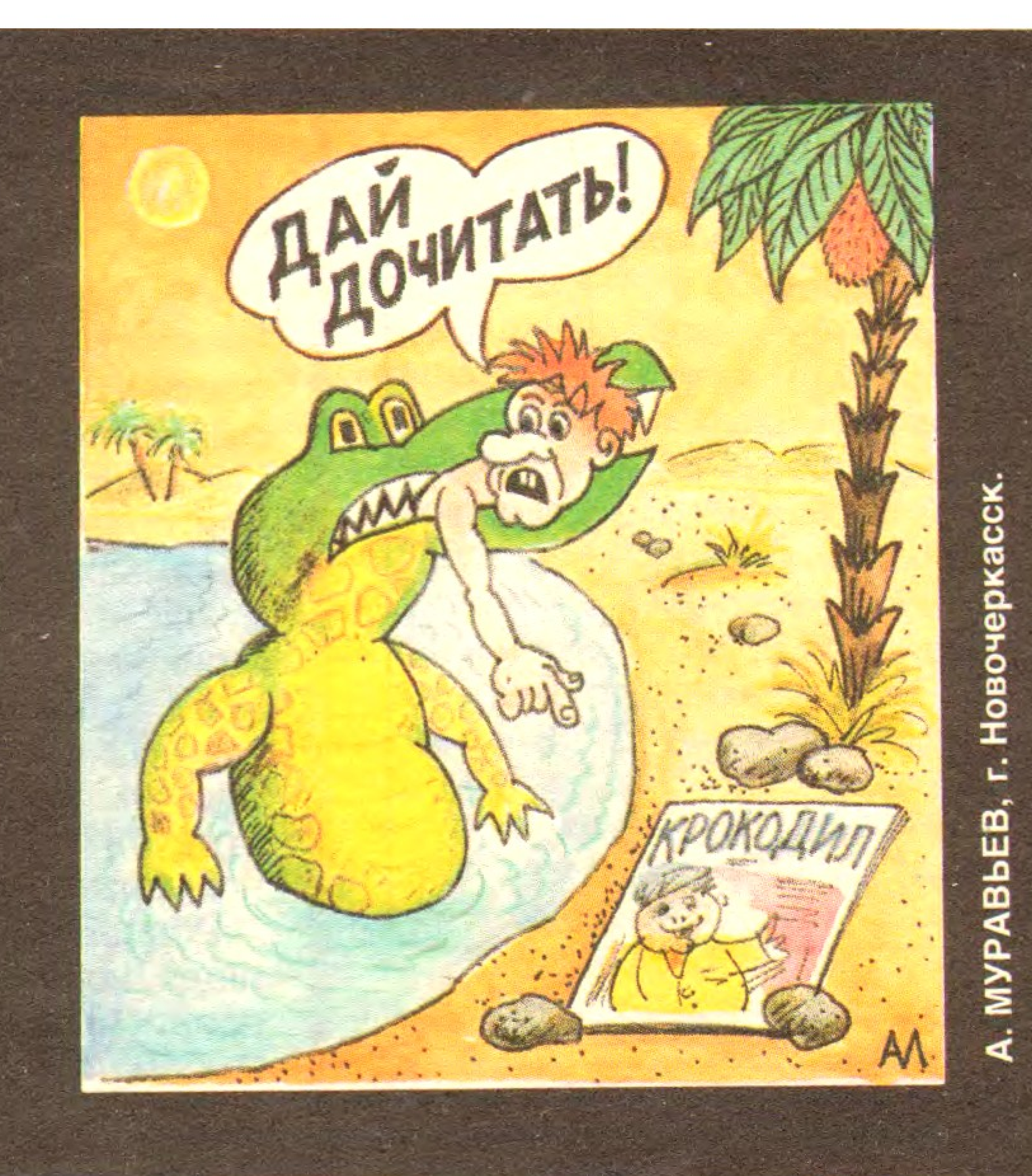
200 ТЫСЯЧ ЗА АНЕКДОТ!

Несмотря на летнюю жару и баталии на политической арене, Крокодил, верный данному читателям слову, обнародует имена очередных «бородачей». Июльским Королем Смеха признан Д. ВОРОНИН из г. Саратова за анекдот про «новых русских». А Вице-Королевой — О. МАРКИНА из Кировской области, приславшая шутку про 80-летнего старичка и девочек. Первый сможет обмахиваться веером из 200 «штук», а вторая — из 100. На здоровье!

Заодно напоминаем: ВСЕ КРОКОДИЛЬСКИЕ КОНКУРСЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ! Каждый читатель имеет возможность повеселить остальных, потравив байки без бороды и с бородой, взбежав трусцой на Парнас или свободно конвертировав свое «ха-ха». А призы журнала для лучших не заставят себя ждать!

ПОДПИСЧИКАМ «КРОКОДИЛА» ВО ВСЕХ КОНКУРСАХ — ПРИОРИТЕТ!

ПОДПИСАТЬСЯ НА НАС ПО-ПРЕЖНЕМУ МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА И НА ЛЮБОЙ СРОК!



А. МУРАВЬЕВ, г. Новочеркасск.

КРОКОДИЛЬСКИЕ ВЕСЕЛЫЕ КРОССВОРДЫ

КВК «ЛЕВ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Зверская общага (сказ.). 6. Шинельно-бильярдная ткань. 7. Игровая запредельность. 9. Военная специальность Пеле на футбольном поле. 11. Вредная болотная бабенка. 14. Специалист по внедрению всяческих панацей. 15. Горькая язвительность. 16. Поставщик соломы (ботан.). 17. Единица измерения в прихватизации (черниченк.). 18. Никитич, кореш Илюши и Алеши (васнецовск.). 20. Пластиковая барышня, которая потрясла детский мир. 23. ½ горы, где гуляет гиппопо (чуковск.). 25. Вклад Йозефа Лады в гашековского Швейка. 27. Адресат арии Хозе из оперы Бизе. 28. Старинный определитель грамотности по одному слову — «корова» (гимназич.). 29. Стойкое место для выпивания. 31. Усатый герой «Крокоскопа» этого номера. 33. Последняя долгостройка века (советск.). 34. Поэт — с пиететом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Четвероногий кормилец (мебельн.). 2. Болтливая дамочка. 3. Середина ФИО. 5. Объект секс-съема. 8. Чистилище для зерна (механич.). 10. Возрожденец, научивший десятерых заговаривать чуму за десять дней. 12. Охотница до чужих мехов (энтомолог.). 13. Декадентский наполнитель бокала с шампанским. 15. Жесткокрылое жужжало. 16. Начало пространственно-временного отрезка, который заканчивается обедом (солдатск.). 19. Анти-«дай». 21. Фамильярное обращение к бабе, перехитрившему сорок разбойников. 22. Шестая часть успеха, который вытанцовывает фигурист. 23. Процесс, при котором пленка вертится как белка в колесе. 24. Бульбин сын (лит.). 26. Кусачие, когда растут. 29. Эфиопское средство расплаты. 30. Львиный крутой разговор. 32. Улица, которую не пройти до конца (окудж.).

КВК «ЛЬВЕНОК»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Один из двух Маугли — отцов-основателей Вечного города. 3. Смех до упаду. 4. Автодеталь, прокол которой ставит авто на прикол.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гадательный инвентарь (ботан.). 2. Имя полячки, которая «возомнишек» себя царицей.

Составила Н. БУХРОВА, г. Внуково.



ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 6

КВК «БУРАТИНО»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Спина. 4. Ося.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Англия. 3. Пьеро.

КВК «ТОРТИЛА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Кречинский. 5. Динар. 6. Тарзан. 7. Съезд. 9. Калач. 10. Трио. 11. Явлинский. 14. Лимон. 15. Рабле. 17. Фазан. 18. Инспектор. 19. «Жигули». 21. «Батник». 23. «Дрова». 26. Грузило. 27. Аид. 28. Столик. 29. Белуга. 31. Испарина. 32. Флюорография. 33. Сатира. 34. Состав. 38. Зонт. 40. Реформа. 42. Ряска. 43. Хрен. 44. Пюре. 45. Аксаков. 47. Нос. 48. Тайга.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мкртчян. 2. Фига. 4. Кости. 5. «Доколе». 8. «Динамо». 10. Транжира. 12. Лорнет. 13. Сырник. 16. Фетр. 17. Философ. 20. Улитка. 21. Брошюра. 22. Наклон. 23. Дельфин. 24. Оргия. 25. Калиостро. 29. Борман. 30. Паниковский. 35. Остров. 36. Турникет. 37. Высоцкий. 38. Запонка. 39. Твен. 41. Малага. 46. «Ока».

Индекс 70440.